

18+

Эдуард Дворкин
Чужие причуды - 3

Свободный роман

АННА

Эдуард Дворкин
Чужие причуды – 3.
Свободный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43115115
ISBN 9785449683199

Аннотация

Старый Бог ничего более не мог из того, что мог ранее. Анне предстояло прожить жизнь заново: от слова до слова. Роскошное напряжение духа, какого еще не было на Земле, вот-вот должно было дать ощутить себя с непредсказуемыми последствиями.

Содержание

Книга первая. Игривый пилигрим	8
Часть первая	8
Глава первая. Входная дверь	8
Глава вторая. Фланеры и кокотки	10
Глава третья. Розовое лицо	12
Глава четвертая. По большей части	14
Глава пятая. Меткие слова	16
Глава шестая. Притча во языцех	18
Глава седьмая. Как мертвые	21
Глава восьмая. Вещи мужа	23
Глава девятая. Нагнал страх	25
Глава десятая. Проза жизни	27
Часть вторая	29
Глава первая. Бренное слово	29
Глава вторая. Новый кентавр	31
Глава третья. Осознанная необходимость	33
Глава четвертая. Настойчивые часы	36
Глава пятая. Вызов свету	38
Глава шестая. Священный голос	40
Глава седьмая. Божий дар	42
Глава восьмая. Тезис Люцифера	44
Глава девятая. Друзья народа	47
Глава десятая. Выпивали и поклонялись	49

Часть третья	50
Глава первая. Уроки общежития	50
Глава вторая. Сдвинуть угол	52
Глава третья. Движение восторга	54
Глава четвертая. Прыская ядом	56
Глава пятая. Точки опоры	58
Глава шестая. Малыш уж	60
Глава седьмая. Быльем поросло	63
Глава восьмая. Каждый волосок	65
Глава девятая. Прильнуть намертво	67
Глава десятая. Весело жить	69
Часть четвертая	70
Глава первая. Удары капель	70
Глава вторая. Справа налево	72
Глава третья. В один день	74
Глава четвертая. Обратным ходом	76
Глава пятая. Запах пирогов	78
Глава шестая. Шея надулась	81
Глава седьмая. В пять цветов	83
Глава восьмая. Сквозь пальцы	85
Глава девятая. Выйти наружу	87
Глава десятая. Американский молоток	90
Часть пятая	91
Глава первая. Отклонения от формы	91
Глава вторая. Другое лицо	93
Глава третья. Темный предшественник	95

Чужие причуды – 3

Свободный роман

Эдуард Дворкин

© Эдуард Дворкин, 2019

ISBN 978-5-4496-8319-9 (т. 3)

ISBN 978-5-4493-8043-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЦИКЛ РОМАНОВ: «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ВОСКРЕСЕНИЕ»

ПОЯСНЕНИЕ АВТОРА. Речь далее идет не о том, что некая, заявленная в мире женщина якобы вызывает переживание как психический факт. Самая связь переживания с женщиной – сущностная, а не фактическая; отсылка к предмету заключена в самой сущности переживания.

«Скажем прежде всего, что если дана память, то есть сохранение образов прошлого, эти образы будут постоянно примешиваться к нашему восприятию и могут даже вытеснить его».

Анри БЕРГСОН. «МАТЕРИЯ И ПАМЯТЬ»

«Есть два прошлых: прошлое, которое было

и которое исчезло, и прошлое, которое и сейчас для нас есть как составная часть нашего настоящего».

Н.А.БЕРДЯЕВ. «Я И МИР ОБЪЕКТОВ»

«Теория изящного дает каждому возможность говорить, что на ум взбредет, называть свечу собакою, а луну пирогом – полная свобода!»

В.Г.БЕЛИНСКИЙ. «РУКОВОДСТВО К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ»

Книга первая. Игривый пилигрим

Часть первая

Глава первая. Входная дверь

Все это несомненно было и разыгралось в целую историю.

Умы рабские искренно верили в эволюцию идей, питали туманные надежды на соответствующее изменение обстоятельств, с инстинктивным, почти физическим страхом думали о всякой революции. Они желали и боялись ее одновременно: они критиковали существующий строй и мечтали о новом, как будто он должен был появиться внезапно, вызванный каким-то чудом, без малейшей ломки и борьбы между грядущим и отжившим. Слабые, безвольные люди мечтали, не имея ни сил, ни желания достигнуть своей цели.

Задавались дни.

Досаждала жара, а когда жар стал посваливать, явились сулящие непогоду тучи.

Вкрадчивые осенние шорохи складывались в неведомые шуршащие слова.

Земля после дождя пахла , а нажимавшие пальцами на глазные яблоки видели . Кому-то являлся , запросто под-

хватить можно было . *петрикором фосфены парастас три-
песнец*

Государь лишил автора остатков своего расположения: кто пишет иначе, тому следует шить сапоги и печь кулебяки: сработала интуиция.

Стрекулисты выказывали непонимание самых простых вещей, как-то: жизнь и сознание при интуиции имеют дело сами с собою; интеллект же характеризуется природным непониманием жизни.

Дамы из черного бархату понашивали себе бурнусов с огромными рукавами; бурнусы обшили толковой тесемкой со стеклярусом.

Яркие полевые цветы распустились в витрине мадам Матильды на Невском.

Ливрейные лакеи более не садились на козлы, а пристраивались на запятках и ехали позади, держась за басонные поручни.

Богатые вдовы обивали кареты черным; шоры были без набору.

Кучера сидели одною ногой наружу, приготавливаясь кричать на прохожих – в Петербурге местами была преужасная мостовая: из неровных камней, хуже что незабороненное поле.

Гащивать приезжали на несколько дней.

Все было необдуманно, с размаху, самодовольно и ретроградно.

Большая часть интеллигенции жила в мире фальшивом, населенном призраками, фантасмагорией, мнимыми влечениями, мнимыми потребностями, мнимыми идеалами и немнимым невежеством.

Натурализм заменился несколько не менее уродующим действительность психологизмом: Анна входила у Толстого в уборную, но ни разу, в отличие от того же Вронского, не брала ванны!

Входная дверь оправлена была в багрец и золото — моральная красота сей нелепости оправдывалась двумя словами: лес, Пушкин.

Глава вторая. Фланеры и кокотки

Бог мыслит вещами.

Убранство комнаты было ни зальное, ни гостиное, а то и другое вместе — стояли и мягкая мебель, и буковые стулья, и зеркало, и рояль заваленный нотами.

Александра Станиславовна протянула руку прощаться, она ласково прижалась к гостю, точно виноватая.

Она точно была виновата перед ним: она в него не верила.

Иван Матвеевич умел держать себя под выстрелами так же спокойно, как его товарищи; гражданская война в Боливии закончилась, и он в звании боливийского генерала возвратился на родину.

С тех пор она видела его довольно часто, но их отноше-

ния оставались чисто внешними; из Америки он привез ей затейливую вещицу.

«Предметик!» – тогда он назвал, отчасти зараженный педантизмом.

Принужденно тогда она смеялась.

В прихожей он надел шинель на меху гуанако с седым, андского очкового медведя воротником.

– Выйти из одиночества и достигнуть блаженства! – теперь пожелали они друг другу.

Через минуту он был на улице: старомодный, устарелый, не принадлежавший своему поколению и своему времени.

Она хотела было раздеваться, но сняла только платье: лиф из крепдешина с золотыми шариками был низко вырезан на стане и на груди окаймлен белым рюшем, приятно оттенявшим розовато-белое тело нестарой женщины.

Иван Матвеевич, выйдя наружу, тут же слился с неясной мыслью, разлитой в мировом пространстве – а, может стать-ся, ощутил готовность к слиянию.

В прихожей у Александры Станиславовны на ясеневом подзеркальнике заметил он визитную карточку Пушкина. Угол был загнут.

Фланеры и кокетки попадались все реже – отдавший дань молодости генерал давно распрощался с ее увлечениями; всем, повстречавшим его на пути, являлась ранее не приходившая в голову мысль, что борода, по сути своей, аналогична застывшей гримасе – искаженным, сдвинутым с мест

и лишенным правильного соотношения чертам лица, а потому эта самая борода вполне тождественна маске.

Отставной боливийский генерал Иван Матвеевич Муравьев-Опоссум всегда был гладко выбрит.

Александра Станиславовна Шабельская, недавно овдовевшая, из потайного места достала привезенную генералом вещицу.

Негромкое приятное жужжание раздалось в ночи.

Покойный господин Шабельский не пользовался ни вышитыми вещами, ни предметами личной гигиены.

Он мог облиться слезами над вымыслом, и Александра Станиславовна предоставляла ему такую возможность.

Глава третья. Розовое лицо

Его природная рассеянность, обвенчанная жестокими прелестями, рассыпáлась серебряными блестками воспоминаний: среди разноцветных скал, бурливых речек, причудливо изогнутых какао-деревьев, , он чувствовал себя причастным к жизни природы. *там*

«Личная гигиена!» — вспоминал он.

В Боливии бывало всякое.

Чепец из белых блонд будировал всех — кто-то забросил его за мельницу, а индейцы нашли: люди другие, обстоятельства и обстановка другие, другие вопросы, а дух тот же самый!

Орхидея, принявшая форму пчелы, желает сказать, что не нуждается в посещении насекомых: ему привиделось, что Александра Станиславовна приняла форму платья, в котором она находилась, – а если бы она натянула звериную шкуру?!

Ей было неловко в этом платье, она оправдывалась очень темно, заносчиво и истолковывала себя довольно бестолково.

«Зодчий – костистый дед, с лицом, искусанным пчелами, – обронила она среди прочего, – он бородат и у него пропали стены!»

и, по мнению Александры Станиславовны, были однокоренные слова, и это вселяло беспокойство в отставного боливийского генерала. *Бородат пропали стены*

Госпожа Шабельская распускала косу, еще довольно густую и темную, собираясь припрятать ее под ночной чепчик: еще пригодится!

Она видела: гость плохо слышит!

Когда она рассказывала о трагическом происшествии с мужем, Иван Матвеевич понимающе ей улыбался; с собою он привез терпкий дух далекого мистического континента, который Александру Станиславовну обволакивал.

Она сама не могла взять в толк, откуда взялись эти бородастые стены, хотя и была знакома с зодчим.

Синели окна – дым багровый?

Грохочут пушки?!

Визитная карточка Александра Сергеевича лежала с загнутым левым углом на ясеневом подзеркальнике в прихожей.

На улице идет дождь, а у нас идет роман?!

Муж Александры Станиславовны лежал на старом теннисном кладбище в Третьем Парголове.

«Пространственное извращение переживаний!» – она знала.

Действительный член Императорского Общества Овцеводства Павел Васильевич Шабельский хорошо смеялся, лицо его было розовое, хотя он был не совсем здоров.

Он совершал чудеса в корыте.

Устричная зала Елисеева была последняя школа, в которой он брал уроки общежития.

Его последнее слово прозвучало уже из иного порядка бытия.

Глава четвертая. По большей части

Александра Станиславовна приняла форму орхидеи, и Иван Матвеевич почувствовал себя муравьем: она не нуждалась в его посещении, мягко давая об этом знать; Иван Матвеевич не внушал ей этой мысли – так откуда же, кто?!

«Мельник? – перебирал он. – Зодчий? Пасечник?»

Мельник и Пасечник были фамилии; фамилия зодчего была Зодченко: Михаил Михайлович Зодченко.

Это были однокоренные люди – их общий корень ветвился (ветвь не в силах постигнуть, что она – лишь продолжение корня) в сухих и легких почвах сельвы.

Когда застрелили Пушкина, Михаил Михайлович воздвиг мавзолей поэту на Дворцовой площади, и Мельник увенчал его вращающимися грандиозными крыльями, а Пасечник приучил пчел внутрь заносить мед.

В Боливии гиены заменяли им женщин; все трое барахтались во тьме низких истин; Иван же Матвеевич предпочитал возвышающий обман. *нас*

В столице, узнал он в Боливии (столице России, а не Боливии!), сделалось модным забрасывать чепцы за мавзолей – возвратившись на родину, генерал частенько подбирал их: не пахнет ли, часом, гиеной?!

В сумерках он надевал чепец на голову, и голова принимала форму чепца, наполняясь женскими мыслями: он думал о том, что можно быть дельным человеком и заботиться о красоте ногтей или о том, что неуважение к предкам есть первый признак беременности.

Беременность, впрочем, для него была только форма, в то время как красота ногтей для женщины была ее содержанием.

На балконе вдоль перил стояли цветы – уютность всему сообщила опущенная белая маркиза.

Кто, черт возьми, напишет генералу?!

Он полюбил слова за их возможное значение больше, чем

за их действительный смысл.

На письменном столе под газетами обнаружилось письмо-це, перебитое штемпелями.

писал ему некий Анна. *«Восточный поезд ушел по тому направлению, откуда приехал западный, — — Их отдали под стражу до утра, ибо уже был вечер».*

В Боливии пассажиры часто разъезжались со своими вещами, но по большей части вещи находили своих владельцев по прошествии некоторого времени — утраченные же предметы не возвращались никогда.

Соскучившийся по всему русскому, зеркало Иван Матвеевич велел поставить . *насупротив*

В зеркале он видел Пушкина — тот ждал его с завтраком. по-немецки . *Тот мертвый*

В Боливии было много немцев.

Там генерал научился общаться с мертвыми.

Глава пятая. Меткие слова

С мертвыми нужно общаться, как с живыми, только куда энергичнее.

Сразу генерал хлопнул поэта по плечу, сильно встряхнул руку, закричал в ухо.

Пушкин мог приехать рано утром, когда мавзолей был еще заперт; лакей приучен был ставить два прибора.

— Привычка свыше нам дана! — любил Александр Сергее-

вич повторять расхожее.

В привычку у него вошло обсуждать, как он выражался, , откуда он приносил обычно меткие слова и выражения. *иной порядок бытия в этот*

Иван Матвеевич знал, что там (не в Боливии) Пушкин много общался с Грибоедовым и скорее всего были от другого Александра Сергеевича. *слова о взрослой дочери*

Поставив на стол обычную баночку меда, Пушкин заговорил о Создателе и комиссии.

– Что за комиссия? – не понимал генерал. – Создатель?!

– Создатель комиссии, – Пушкин ел, пил, курил (в мавзолее он был на мёде и воде), – Ленин, ее председатель Луначарский, в состав входит Крупская. Это комиссия Наркомпроса: тотальный надзор над культурой и религией!

– А взрослая дочь, как же? – Иван Матвеевич не давал Пушкину завалиться набок.

– Кричит и бросила чепчик за мавзолей, – поэт вздохнул. – Ей нравится! Дверь отперта для званных и незванных! *ура*

– Анна? – услышал Муравьев звон.

Однажды он подобрал чепчик с меткой «А.К.», и мысли под ним были как раз об отпертой двери: та отпиралась более, чем десять раз, и запер ее лишь граф Толстой.

– Горбатый нос верблюда! – вдруг Пушкин молвил.

Разговор прекратился.

Привычка от Пушкина – замена счастьем, счастием. Ес-

ли же поэзия выше нравственности, то и поэт выше нравственного. Размышляя, Иван Матвеевич пытался связать обе мысли.

«Счастье выше счастья! – остановился он на промежуточном. – Пушкин-человек не мог быть счастлив. Пушкин-поэт – очень даже. А Пушкин-зверь?!»

Люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратно минувшее всеми цветами своего воображения: Анна был самый влиятельный член синедрiona.

Этот человек умел внушать мысли: первовнушитель.

Минувшее возвратимо – исподволь он внушал.

Единственный он умел извлекать корень.

Он сам был продолжение корня: Коренев.

Его черты были сдвинуты с мест и лишены правильного соотношения, а борода была тождественна маске.

За обедом Анна был наступательно весел: он как будто кокетничал с префектом.

Анна любил надевать женское: он был в светлом шелковом с бархатом платье, которое ему сшили в Риме – с открытою грудью и с белым дорогим кружевом на голове, обрамлявшим его лицо с большим верблюжьим носом.

Глава шестая. Притча во языцех

Иван Матвеевич знал, что во время их встречи Алек-

сандра Станиславовна была нечиста – еще она выказывала в разговоре уважение к предкам, а потому о беременности не могло быть и речи.

Генерал хотел сына; в Боливии после него осталась неведомая зверушка, довольно, впрочем, смышленная, но Муравьев желал иметь полноценного наследника.

Она думала, что он плохо слышит – сама же плохо говорила.

Она произносила «бородатые стены» вместо «седой гранит».

Седой гранит, натурально, был в Петербурге – бородатые же стены встречались в Боливии, где на них сидели бородатые ящерицы; , на граните набережных, в белую ночь он видел убеленных предков. *здесь*

Они вели обыкновенно по (ту) сторонний делу разговор: туманный, приблизительный, субъективный.

Они говорили, впрочем, дозволенное и знакомое, и, если бы Иван Матвеевич услышал незнакомое, то принял бы его наверняка за недозволенное.

«Вам нравится пурпур розы, а мне отблеск камина – от этого никому не тепло!» – до него доносилось.

У мертвых свои рифмы – у живых свои.

Пурпур розы и отдаленные седых людей угрозы.

Отблеск камина – постановление Совмина.

Откроешь пушкинскую дверь, в лесу за нею – Пушкин-зверь.

Пушкин писал иначе и потому ему шили сапоги и для него пекли кулебяки; при жизни он всегда был сыт и обут.

Когда умирает стрекулист, другие стрекулисты не понимают этого и продолжают считать его живым: стрекулисты – вечно живые – одна нога наружу!

Иван Матвеевич мыслил предметно, а для кого-то и сам он был мыслью, разлитой в мировом пространстве и материализовавшейся на берегах Невы.

: пусть так! *Некогда*

В ночном магазине, с той стороны, где продавались бакалейные товары, лежал сыр, слишком большой и чересчур пахучий, чтобы поблизости удобно было спать.

В Институте экспериментальной медицины к жизни научились возвращать сыры с истекшим сроком хранения – их было опасно есть, но можно было установить в спальне в качестве ароматического снотворного.

Продавцы спали мертвым сном.

Зодченко стоял с припухшими от сна веками.

Они заговорили о холодности третьего абонемент – абонемент был для мертвых.

Известное обоим лицо непременно должно было оживить действие.

– Он приезжает, нисходит.

– Он или она?

– Един в двух лицах.

Глава седьмая. Как мертвые

Зодченко питался святым духом и потому головки сыра ему хватало надолго.

Сыр был овечий и приготавлился в специальном корыте. Когда муж Александры Станиславовны был жив, Зодченко брал сыр у него напрямую – Шабельский творил чудеса в корыте; когда же его не стало, Зодченко продолжал покупать сыры исключительно , но уже восстановленные по науке. *от него*

Михаил Михайлович считал сыр божественным и буквально на него молился.

Мельник и Пасечник спали, как мертвые и потому ни в каком сыре не нуждались.

Мельник помимо перемола увлекался вышитыми вещами – Пасечник помимо пчел – предметами личной гигиены; еще Пасечник шил сапоги для Пушкина, а Мельник делал для него кулебяки: оба были стрекулисты и не понимали, что Пушкин умер.

«Умер – так лежал бы на кладбище, – они рассуждали, – а поскольку он в мавзолее – значит, вечно живой!»

Вопрос был переворочен, кажется, на все стороны.

Интеллект представляет себе отдельное (Пушкин был отделен), но ясно интеллект представляет себе лишь неподвижное – Пушкин же, с божьей помощью, мог двигаться!

«Отдельные два мира, – вот-вот Мельник и Пасечник должны были постигнуть, – , соприкасаются ныне в едином пункте, и этот пункт – Пушкин. Через него можно попасть в мир иной, через него же ушедшие могут навестить нас!»
тот и этот навсегда

Мельник и Пасечник вошли в храм, где их уже ждали Муравьев и Зодченко.

Все спало вокруг них: ресницы были смяты, щеки в пятнах.

Сумрак и тишина как-то сливались вместе, давая ощутить холодность.

Мужчины ежились, как перед появлением женщины.

Появится Анна, но для чего? Только лишь, чтоб оживить третий абонемент?

– Анна примет форму Карениной, чтобы показать, что не нуждается в описаниях Толстого, – сказал Иван Матвеевич подельникам. *он*

Все возвышающий обман боролся с низкими истинами, вуалируя действительный смысл.

Сыр пахнул гиеной.

Анна, по легенде, приезжал восточным поездом – нужно было боливийским манером хотя бы на некоторое время разлучить его с вещами: Мельник брался.

Пасечнику предстояло сопровождать приехавшего в устричную залу Елисеева. Ближе к ночи Зодченко должен был привезти Анну в гостиницу. Там, в полной форме бо-

ливийского генерала, его собирався принять Муравьев-Опоссум.

У стрекулистов – своя религия: понимание никогда не приходит одно.

Одно приходит через другое.

появляется внезапно, вызванное чудом. *Другое*

Отжившее и грядущее складываются в неведомые слова.

Глава восьмая. Вещи мужа

Калач иногда пахнет так, что не удержишься.

Сапоги делают Пушкина выше.

Шекспир и кулебяки – вещи несовместимые.

Александра Станиславовна Шабельская тонко улыбалась: евангельская гадина злоупотребляла словами: гад был очень богат, умен, на пути блестящей клерикальной карьеры и : обворожительный человек! *обл*

На другой день после посещения ее Иваном Матвеевичем, в одиннадцать часов утра Шабельская приехала на вокзал встречать того, кого полагалось, и первое лицо, попавшееся ей там, был Вронский.

Страдавший бессонницей, он покупал у мужа сыр; они были знакомы.

– Встречаю нунция, – объяснил Алексей Кириллович. – А вы?

– Хорошенького молодого человека, – она отшутилась.

Уже свистал паровоз, Вронский блеснул глазами, чулки на Александре Станиславовне натянуты были – хоть в Космос.

Вронский пошел за кондуктором и при входе в вагон столкнулся с помятыми ресницами и пятнами на лице молодым человеком, которого взгляд скользнул по его лицу и тотчас перенесся на подходившую толпу: Александра Станиславовна, впрочем, уже подошла – приехавший зажег свет в глазах поярче, чем у Вронского.

– Владимир Борисович? – догадалась Шабельская.

– Александра Станиславовна?! – тоже он понял.

Коренев хорошо доехал, вот только вещи его затерялись, и потому она повезла его к себе – в доме сохранялись вещи мужа.

Когда они отъехали достаточно далеко, вслед за кондуктором в вагон пошел Пасечник – при входе он столкнулся с Анной, которая сразу отказалась ехать к Елисееву и в гостиницу – только домой!

Она была под густым вуалем, но он увидел смятые ресницы и трупные пятна на щеках.

Анна сразу отдала ему багажную квитанцию.

Она спросила, почему не встретил ее муж и как вел себя Сережа.

– Не понимаю, о чем вы спрашиваете, – Пасечник очевидно сбился.

Она легко внушила ему мысль об Алексее Александрови-

че и сыне.

– Их отдали под стражу до утра, – Пасечник увидел другое.

Анна дико захохотала.

Следом за ними на перрон вынесли мертвое тело.

– Немец, – объяснила Анна. – Он умер в дороге.

За бездыханным телом из вагона вышли Вронский с нунцием.

– Сюда приехали с мертвым, а обратно отбудете с живым?! – отчетливо выговаривая, как рублем даря каждым словом, они обратились к ней.

– Это был каприз испорченного сердца, – умело Анна отвела. – Смерть гораздо чище порока, – особенно она взглянула на Вронского. – В купе было слишком жарко.

– Надеемся увидеть вас в церкви, – сказали они.

Глава девятая. Нагнал страх

Владимир Борисович Коренев просил по дороге завезти его в синагогу, а после – в устричную залу Елисеева.

– Каприз испорченного желудка! – он объяснил.

Черты лица Владимира Борисовича все были на своих местах, а борода обрита; великоватый нос, впрочем, напоминал о еврее.

– наворачивались строки. *«Обрита борода – пропали стены!»*

Поэма, впрочем, была еще не написана.

Визит был щедро проплачен; приехавший спрашивал Александру Станиславовну, какому Богу она молится, и та отвечала – Пушкину.

Общаться было легко.

Владимир Борисович видел Вронского, и Александра Станиславовна объяснила, что Алексей Кириллович принял католичество и установил контакт с папским престолом.

Гостю отвели лучшую комнату, в его распоряжение предоставлены были вещи покойного Павла Васильевича – за предметами личной гигиены к Левину был послан человек.

Из аптеки посыльный отчего-то поехал к Карениным и передал Анне Аркадьевне целый мешок покупок.

Первым делом, приняв, наконец, ванну, она воспользовалась патентованным средством для выпрямления ресниц, после чего вывела пятна со щек и в изящной вышиванке вышла к ожидавшим ее мужу и сыну.

Алексей Александрович несколько не удивился, что Анна возвратилась (он чувствовал появившуюся в ней холодность) – его религия говорила, что через это должно было прийти . *другая другое самое то*

Сережа был ребенок по опытности и не понимал, что можно умереть и остаться живым; Бог мыслит вещами и отчего мальчик должен завидовать девочкам, имевшим что-то между собою; не мог взять в толк, с чего это задаются дни, а ты-

сочи фактов нам доказуют противное; главное же, чего он не мог уразуметь, – почему мама пришла по вымощенной дорожке напрямик из сада, а не приехала с вокзала в собственном их экипаже. *как*

Француз-гувернер месье Октав отчего-то называл их сад Садам мучений.

– Кто умер? Пенультиема?! – вздрагивая, спрашивал его отец.

– Никто не умер. Это – женщина из Сада мучений, – выпенно однажды француз ответил.

И тогда вошла мама.

Сережа знал, что она привезет подарки, но в дороге ей подменили чемодан, и оттуда посыпались странно бесстыдные вещи, предметы из розового каучука.

Анна была бледна, ее бескровные губы отвисли, а голос, похожий на предсмертное хрипение, нагнал на Сережу страх.

– Скорей! Скорей! Мама умирает!

Отец и гувернер грубо кивнули.

– Нет, это всегда так бывает, когда она возвращается да. *отцу*

Глава десятая. Проза жизни

«Пусть Анна спит с французом», – не возражал Каренин. Сам он спал с Варенькой, а Сережа – с Верой Пановой.

Проза жизни выше нравственности.

Часть вторая

Глава первая. Бренное слово

Явления всегда суть показатели того, что само себя не показывает.

Тишина казалась могильною.

Тьма была ровная, сплошная, без времени – и вдруг зажглись солнца разных цветов: бриллиантовое вместе с рубиновым и гранатовое на пару с изумрудным и сапфирным: они горели днем и ночью.

Жара сделалась положительно нестерпимая.

Теснились овцы; верблюды смотрели: игривый пилигрим распарывал живот или вскрывал какой-нибудь череп, пока немец держал за лапку ободранную лисицу или ощипанного филина: проповедник изуверства во имя мистической цели?

Глаза пастухов были удержаны, и они не узнавали Его; – бранное слово между мужиками всех времен: этим словом доведешь скорее, чем иным крепким, приевшимся. *пастух другого*

Игривый пилигрим мыслил вещами.

Его лицо заросло волосом, борода вилась космами и закрывала грудь, нос расплылся по лицу и оканчивался плоскою пластиной, рдевшей багровым цветом и тоже покрытой

волосами; на нем был жилет с пуговицами в виде головок химер и необъятные шаровары с множеством пышных складок.

Когда немец умер, игривый пилигрим взвалил его бречное тело себе на плечи; дорога сокращалась в разговорах.

Игривый пилигрим вменил себе в обязанность говорить; разговор был живой, хотя и бессвязный.

– Слепые прозревают, а глухие слышат, – говорил несущий. – Радуйся, благодатный! Полуодетая, она показалась мне пикантной!

Несомый задудил вздох и притворился спящим.

Была четвертая неделя Великого поста – во всех храмах Города звонили к часам: двенадесятый праздник приближался с разрешением рыбы, елея и вина.

На городской площади игривый пилигрим на камни положил решето, а на него – немца: пошли чудеса: мертвый воскресал по команде, крутил обруч, прыгал через огонь, ходил на руках, показывал, как неверная жена запрещает своему хахалю произносить слово *. любовь*

– Это – гадкое слово! – тем временем, подтрунивая над кем-то, игривый пилигрим все ниже опускал свою как бы постыдную голову и весь сгибался и падал к ногам толпы – упал бы, не поддержи они его.

– Анна! – простолюдины смеялись, узнавая.

Убийца видел тело, лишенное им жизни.

Надо было резать это тело на куски и прятать его.

– Ни слова больше! – стражники синедриона заломили им руки и потащили.

Мальчик с вопрошающим, взглядом силился и не мог уяснить себе чувство, которое он должен был иметь к арестованному. *противным*

«Кто он такой? Что это значит?!» – спрашивал он человека и девушку.

Их отдали под стражу до утра, ибо уже был вечер.

Глава вторая. Новый кентавр

Владимир Борисович Коренев и Анна Аркадьевна Каренина ехали в одном вагоне; ресницы их оказались одинаковой длины, а пятна на щеках были одного цвета и сходной конфигурации.

Она читала Шекспира, он ел кулебяки.

Оба пытались ввести в заблуждение кондуктора так, чтобы тот ощутил холодность каждого по отдельности: Каренина ему внушила о сумраке, Коренев – о тишине, но служащий железной дороги все-таки едва не слил их вместе.

Ничто не предвещало до поры появления следователя, и вполне свободно общались, стараясь лишь не совпадать контурами, чтобы невзначай не сощелкнуться. *новые знакомые*

Единственным общим пунктом оказался Пушкин: его страницы были вклеены под шекспировскую обложку книги

Анны; в его листы завернуты были кулебяки Владимира Борисовича.

Невольно или вольно в их тайну проник пассажир-немец, скоропостижно после этого скончавшийся (он видел, как Коренев потянулся к книге, а Анна откусила от кулебяки); им было теперь не избежать разговора с судейским, а, значит, следовало сблизить позиции.

– Мы никогда не видели прежде, – тезисно набросала Анна. – Он был коммивояжером – предлагал чепчики, вышитые вещи, предметы личной гигиены. *его*

– Мне, – рассмеялся Коренев, – он предложил женский орган из каучука и еще предметы для Сада мучений.

– Сад мучений? – Каренина повела бровями, – Не там ли умерла Пенультиема?

– Она не умирала, – нахмурился Владимир Борисович. – Это происки папы!

– Умирала, но не умерла?

– Только мучилась!

– Проплачено плачущими инопланетянами! – они изобразили в лицах, и за ними подглядывавший кондуктор pokrылся пятнами.

– Теперь вы должны думать о красоте ногтей, – Коренев напомнил Анне.

– А вы – написать генералу, – Анна не осталась в долгу.

Анна все же была главная в их тандеме и потому Коренев спросил о велосипеде.

они называли мысль, неясно рассеянную в мировом пространстве. *Велосипедом*

Велосипед Анна брала на себя, но тот в ее представлении сливался с беспокоившим ее боливийским генералом: новый кентавр, свистя колесами, уносился в межпланетные дали.

Анна надеялась, генерал встретит их на вокзале, но он хотел, чтобы она приехала в гостиницу, куда Вронский должен был доставить нунция.

Примешивались стрекулисты и устричная зала.

Владимир Борисович уехал с нанятою дамой; тщетно стрекулисты пытались навязать Анне свое понимание.

Пасечник отвез Анну домой.

Она вошла не с улицы, а через сад.

Сад был из третьего абонемент.

Многое не совпадало.

Глава третья. Осознанная необходимость

: улыбался Пушкин. *Судейский – иудейский*

Плакали инопланетяне.

Рассеянная в мировом пространстве мысль в себе заключала предмет.

За свойствами и состояниями стояли вещи.

Нам предстояло действовать – действие же требовало точек приложения.

Елисеевский магазин был очевидной точкой притяжения; в бывшей устричной зале оборудовали кулинарный отдел: наряду с винегретом и жареной рыбой широко представлена была пахлава – ее напрямую доставляли из иранского представительства.

От Анны в кулинарию Елисеевского был послан человек, возвратившийся уже на квартиру Шабельской и передавший снедь для Коренева: Владимир Борисович ел и нахваливал, но позже на него накатило: игривый пилигрим явился, засовывал ему палец в рот, вызвал рвоту и едва не отправил туда, откуда Коренев, собственно, прибыл.

– Павел Васильевич, – тем временем госпожа Шабельская, ничего не заметившая, продолжала говорить о покойном муже, – действительно не любил вышитых вещей оттого именно, что в вышитых узорах ему читались угрожающие послания: из него грозились наделать мясных блюд в ассортименте. *такого*

– Солянку, шашлыки? – медленно Коренев возвращался к жизни.

– Сультену, салтеньяс, тукуман, супы чайро и лакуас, – справилась Александра Станиславовна с записями. – Еще лечин-аль-хорно с соусом ляхуа.

– Ну, а предметы личной гигиены? – с чего-то гость заинтересовался.

Уже он знал, что покойный ими не пользовался.

– Ему грозились нанести бактерии на зубную щетку, про-

питать грибом мочалку, насытить плесенью полотенце и вымазать вирусом бритву.

Так выходило, дельный человек мог не думать вовсе о красе ногтей: об этом именно в ванной комнате думала Анна Аркадьевна, обследуя обделанный в сафьян дорожных несессер Каренина с вышитой на нем дарственной надписью: *. от инопланетян*

Она думала о Каренине и не думала о Шабельском, но выходило так, что именно она думает о Шабельском и не думает о Каренине.

Инопланетяне мыслят несессерами, осознанная необходимость?!

: Пушкин смеялся. *Инопланетяне – египтяне*

То, о чем думали они вчера, сегодня становилось ложью.

Своими предметами (мыслимыми и немислимыми) за- просто они могли извратить мысль (не только рассеять в пространстве, но и заменить составляющую!) и этой возможностью широко пользовались.

Рассеянная в пространстве мысль в себе заключала предмет, и этим предметом был велосипед.

– Давайте все же называть велосипед велосипедом! – в устричной зале договаривались стрекулисты.

Велосипед – сцепление ошибок, заблуждений, грехов и падений.

Глава четвертая. Нстойчивые часы

Неясная мысль уносила боливийского генерала бог знает куда.

«Пушкин – триедин; Пушкин-человек, Пушкин-поэт. Пушкин-зверь. Пушкин-зверь счастлив: сукин-сын!»

прибегал иногда к Ивану Матвеевичу вместо Пушкина-человека: визжал, прыгал, лизал Муравьеву руки. *Он*

Генерал нюхал пальцы: в самом деле или на словах?!

Пушкин исчезал, но слово оставалось.

Пушкинское, оно порождало другие слова, которые распространяясь, собою подменяли вещи; слова имели вкус, цвет, запах, протяженность и многие неотличимы были от предметов.

Особо озвученные и профессионально расставленные слова-заменители призваны были придать бóльшую убедительность холодному третьему абонементу.

В этом третьем абонементе, где-то размашистом и ретроградном, местами даже фальшивом и населенном призраками, были обозначены плачущие инопланетяне, галлюциногенный сыр, грохот пушек, теннисное кладбище и главное – Сад мучений.

Во многом третий абонемент противоречил второму и первому – этому именно улыбался Пушкин.

– В голове велосипед, а на дороге мысль! – он смеялся.

У него были самые длинные ногти и, по необходимости, самый большой в столице несессер.

Когда, царапая руль, поэт садился на велосипед, мысль мчалась по дороге, вздымая пыль.

«Толстой не любил Шекспира, – мысль оформлялась. – Ему Чертков пересказал, и Лев Николаевич не принял. Когда Толстой уснул, Чертков влил яд ему в ухо. Чертков не любил Толстого!»

Похожий на тень Бога-отца Толстой задействован был во втором абонементе – об этом поздно было думать, но мысль гения пробивала слой времени.

Анна Шекспира – во многом его страницы совпадали с пушкинскими, но были различия: сапоги! Пушкина они делали выше, Шекспира принижали. *читала*

Едва ли не насильственно Пушкин вкладывал мысль куда было можно и куда нельзя – тяжеловесную и обязательную; шекспирова мысль возникала сама и, воздушная, танцевала на просторе ряда.

Зрителям было тесно: избыточные из первого и второго вытеснялись в недостаточный третий абонемент.

С Анной сидели три дамы: парикмахерская прическа, необычайно тонкая талия и изящная линия платья. Они, вместе взятые, накануне отговаривали ее, но Анна как будто не понимала значения их слов.

– Отчего же не ехать?!

Изящество, красота, элегантность были то самое, что раз-

дражало ее.

— Но и эта , и ! — компаньонки не выдержали. *тусклый самовар темная лампа настойчивые часы*

Своим появлением Анна признала бы свое положение погибшей женщины и бросила вызов свету: тому или этому — какая разница?!

Тусклым самоваром был Вронский, темною лампой — папский нунций.

Глава пятая. Вызов свету

Нахмуренный вернулся в свой номер.

Дежурство Ивана Матвеевича завершилось, он снял костюм портье.

Он знал, где сейчас Анна и приказал отвезти себя к нему.
«Да нынче что? Третий абонемент...»

В светлом коридоре никого не было, кроме женского голоса, который выговаривал музыкальную фразу.

Поразительно красивый и гордый Анна улыбался в рамке кружев; он не смотрел в его сторону, но Муравьев чувствовал, что Анна уже видел его.

Прическа Анны были смята, линия платья нарушена — в ногах у него лежал нунций, и Вронский безуспешно пытался привести его в чувство.

Иван Матвеевич не понял того, что именно произошло между папистами и Анной, но он понял, что произошло что-

то облегчительное для Анны, успешно выдерживавшего взятую на себя роль.

Генерал нюхал пальцы: в самом деле!

Своим именно Анна признала бы свое положение погибшей женщины – своим же появлением она заставила признать себя ныне здравствующей! *непоявлением*

Медленно Вронский исчезал, а папский нунций исчез чуть раньше – портье сидел в служебном номере, и темная лампа, поставленная в незапамятные времена, едва светила в бок допотопного тусклого самовара.

Сумрак бросал вызов свету.

Две мысли боролись.

Есть вещи, искать которые способен только Толстой, но он никогда их не найдет!

Лишь Федор Михайлович способен разыскать предметы, но никогда он не станет их искать!

Свет шел от Толстого: он искал.

Сумрак – от Федора Михайловича: он скрывал.

Кончалась и начиналась заново индивидуальность: живое существо не представляло более единства и состояло из нескольких.

Накатывало из небытия в бытие.

Собаки снюхивались, дрались и лаялись; Иван Матвеевич занимался, чем было ближе: вещи докладывали о древности своего происхождения.

Знание делает человека шершавым, предметы – гладки-

ми, а вещи — непостижимыми.

Иван Матвеевич . *не знал*

Анна, что ни говори, умел (а) общаться с живыми.

Он, Анна, извлек из себя Коренева.

Но для чего, скажите, нужен был Сад мучений — сам Муравьев превращался в бородатую мысль.

Ильич иногда пахнет так, что не удержишься! — Мысль разогнавшуюся кто тебе проветрит?! — Не красть Ильичей?!

Глава шестая. Священный голос

Вещи снюхивались, дрались и лаялись.

Предметы оставались постоянными, но только пока о них рассуждали.

Чисто идеальный предел виделся лишь двоим: Толстой вместо конкретного протяжения планировал объявить об однородном пространстве; Федор же Михайлович конкретное время собирался заменить механическим.

Постепенно Анна Аркадьевна изменяла направление дьявольской интуиции, и Владимир Борисович послушно от непротяженного переходил к протяженному.

На кухне, интуитивно, он разделял мясо на трепное и кошерное; двенадцать апостольских русских, набранных из подъячих и посадских, выносили тяжелые вещи из гостиной Карениных и заменяли их уютными предметами разных эпох

и фасонов.

Предметы и мясо как-то сливались вместе; день был крепко непогодлив – бушевала вьюга, а к вечеру усилилась так, что свету божьего вовсе не стало видно.

В тюлевом чепце, с широким рюшем и превысокою тульей, которая торчала на маковке, Анна отрезанный ломоть к хлебу, и он прильнул – русские попадали на колени; этому фокусу в незапамятные времена Анну научил пилигрим. *приставил*

Овцы между ними были среднего разбора, но сыр получался отменный; в доме Шабельской Кореневу постоянно хотелось спать – Владимира Борисовича тянуло нюхать пальцы: между пастырем и пасомыми возникла голова немца: картина была неприятная, сухая и зловещая.

Анна знал: он видел немца, чтобы не видеть игривого пилигрима.

Именно этот немец: Вреде, рассказал ему легенду об Анне Аркадьевне и молодом Вронском. Вреде улыбался, и улыбка передавалась первовнушителю – Вреде задумывался, и первосвященник становился очень серьезен.

«Прекрасный был бал?» – спрашивал неперемный член синедрiona, чтобы спросить что-нибудь еще.

«Прелестный», – отвечал немец, демонстрируя сложную фигуру мазурки.

Что-то чуждое, бесовское и прелестное вошло тогда в Анну: блеск глаз и туго натянутые чулки!

В светлом коридоре мужской голос выговаривал именно это : *«Блеск и натянутые!»*

Это был могущественный, священный голос, вещающий слово Божие.

«Ты пришел нарушить наработанные связи?» – тогда спросил Анна игривого пилигрима.

«Логические, причинно-следственные!» – громоподобно Тот отвечал.

Анна дошел до предела: пространство сделалось однородным, а время – механическим.

Однако, нужно было решать судьбу пилигрима.

Вешать на него решительно было нечего.

«Не ты ли назвал Гефсиманский сад Садам мучений?» – Анна нащупывал.

«При всей моей готовности сознаться в неправильности моего поведения и принять ваш взгляд, – учтиво отвечал пилигрим, – я не в состоянии исполнить этого желания уже потому, что не могу уловить вашего взгляда».

Глава седьмая. Божий дар

Настойчивые часы тянули механическое время.

Всю черновую работу за Анну делал Коренев.

Себе Анна оставила эффектные постановочные сцены, мысли гения и аплодисменты третьего абонементу.

Аплодисменты и мысли сливались в Саду мучений.

Коренев начищал самовар, тер лампу: немец-часовщик появлялся:

– Чего изволите?

Анна прогуливалась по часу; ей приходилось подвязывать каучуковый женский орган – это было мучительно.

«Зима или лето?» – она выбирала по настроению.

– Осень! – немцу приказывал Коренев.

Так было больше шансов на появление Пушкина.

Анна нуждалась в капитальных мыслях.

Чем меньше Вронского мы любим...

Приезжая с царицей, Пушкин танцевал в зеркальной беседе.

– Здравствуй, папа! – Анна приседала под благословение.

Божий дар мешался с яичницей.

В зеркалах отражался Вронский.

Настойчивые сады напоминали о расстроенных нервах: Сад мучений смешивался с Гефсиманским, а тот – с коммерческим; месье Октав жег костры из навоза, соломы и всяких отбросов; в дыму бродили тени.

– А для чего нужны тени? – спрашивал маму Сережа.

– Тени заменяют живых людей, – рассеянно отвечала Анна, – когда их нет.

Трель соловья сливалась с криками перепелов; Анне предстояло показаться доктору.

Вера Панова рекомендовала Антона Павловича.

От доктора – какие секреты?!

Чтобы не возбуждать подозрений, Анне пора было спать с гувернером.

Антон Павлович успокоил: самое то – понравится месье французу.

Едва ли не в последнюю минуту вскинулся Коренев: ни за что!

Что-то у них оставалось общее, чем Владимир Борисович не мог поступиться.

– Ленин и Крупская! – он повторял. – Ленин и Крупская! Дальше заклинивало.

Трель Владимира Ильича сливалась с криками Крупской: тени большевиков порхали по саду.

– Крупская на заре уснула, и тогда Владимир Ильич что-то такое влил ей в ухо! – рассказывала Анна Каренину.

– Убрать! – приказывал Коренев немцу.

Немец накручивал часы, и механическое время втягивало в себя вполне правдоподобные тени.

Месье Октав жег заношенные чулки и обтерханную жилетку.

Глава восьмая. Тезис Люцифера

«Если бы Крупская могла туго натянуть чулки – она узнала бы больше о блеске глаз!» – мужской голос объяснял женскому.

Удивительное Божье слово прокатывалось по светлому

коридору.

На первый бал Надежду Константиновну вывозили в наручниках; на Ленине были ножные кандалы; Арманд с Луначарским успели пройти несколько туров вальса.

Они танцевали на зеркальном полу; исподнего политическим не полагалось.

Бал, впрочем, был костюмированный: Инесса строила из себя царицу – Луначарский щеголял в халате Пушкина.

Надежда Константиновна была нечиста и потому не танцевала: она видела в Анатолии Васильевиче знакомую ей черту возбуждения.

Крупская отказала надзирателю потому, что верила в Анатолия Васильевича.

– Полно, Надежда Константиновна, – Ленин забрал ее руку. – Какая у меня есть идея: *будем как Боги!*

В тюрьме Владимир Ильич принял католицизм.

Новая религия сообщила суровые и даже антипатические черты его, по преимуществу, доброму характеру. Суровое воздержание притом, казалось, навсегда поселило в нем отвращение к роскоши, праздности и либерализму – оно сообщило всей его внешности несколько грубый отпечаток.

Его задачей было создание теневого правительства – когда же таковое было учреждено и даже провело свое историческое заседание в устричной зале Елисеева, – тысячи вещей одна другой причудливее, ложно услышанных и ложно переданных, – , понимаемые как женские зеленые органы, –

стали едва ли не идеально останавливать мировой процесс, выделяя из него и отбрасывая то, что в данный момент никому было не нужно. *мондегриньы*

Именно теневое правительство, дабы не быть похороненным, закрыло тенистое кладбище, организовав на высвобожденной территории теннисный корт; остановило неинтересную немецкую и добровольцами поддержало братских боливийских крестьян, приступившим к массовым порубкам сельвы. *оффензиву*

Ленин был слишком умен, чтобы заботиться о так называемой социальной справедливости – слишком тонким эгоистом, чтобы желать уничтожения привилегий, ему самому улыбавшихся.

В его развинченном организме, впрочем, не было ни одного нормального органа: его привлекали женщины в спущенных чулках; когда на балу он заметил Крупскую, его всегда мертвые глаза блеснули.

Будем как Боги!

На заседании правительства Владимир Ильич повторил известное рассуждение Чингисхана, что сделал бы он, будь у него в распоряжении телеграф, телефон, железные дороги и другие усовершенствования культуры.

Все слушавшие дивились разуму его (Его?!), никто, однако, не понял озвученных тезисов: что-то такое о *неопрятной необходимости*.

Всякая революция в одной области должна соответство-

вать революции в какой-нибудь другой: бал в тюрьме?!

Тихо Надежда Константиновна смеялась на поцелуи Ильича.

Его влекло вон из города.

На следующее утро Ленин бежал – я подзабыл, куда.

Глава девятая. Друзья народа

Ленин бежал в Сад мучений – я вспомнил.

Месье Октав выстроил ему шалаш.

Ночью привозили Крупскую.

«Кто такие гугеноты и как они воюют против социал-стрекулистов», – Владимир Ильич писал для «Папского вестника».

Переправить материал брался нунций.

Большевистско-католическое подполье бросало вызов официальной религии и строю.

Недоставало третьей силы, зато налаживался третий абонемент.

Вронский преждевременно начинал плешиветь; государь был недоволен; каждое слово казалось Анне фальшивым и болью резало ухо.

«Надо перестать отвечать на вопрос , – писал Владимир Ильич, – и ответить, наконец, ?! *как каким образом*

Давление в его голове повышалось, и мозг Владимира Ильича, плаваясь от напряжения, начинал вытекать через

уху – ни капли драгоценного вещества не должно было пропасть – месье Октав собирал суспензию и отвозил в Институт экспериментальной медицины, где она сохранялась в виде коллодия.

Надежда Константиновна, между тем, неуважительно стала высказываться о предках (отец, польское восстание и пр.), низко подвернула чулки, ходила неопрятной и более не вызвала интереса вождя пролетариата: все говорило о прогрессирующей беременности.

Владимир Борисович тер лампу, но вместо немца-часовщика появлялся нунций-временщик.

Анна Аркадьевна садилась на забытый велосипед, отбрасывала женское и, пробивая толщу времени (стремени, племени), библейским старцем распахивал (а) Иудейскую пустыню.

Форма боливийского генерала сливалась с костюмом портье первой гостиницы, а содержание в чистоте мавзолея влетало инопланетянам в копеечку.

– Чего изволите? – спрашивал нунция Владимир Борисович.

Римлянин желал видеть игривого пилигрима.

Нунций был префект, Владимир Борисович – Анна.

– Сейчас он на балу, – учтиво отвечал Анна, – но я без промедления велю за ним послать.

Федор Михайлович, впрочем, просил особо . *не накручивать*

Тургенев прибыл и возглавил гугенотов.

Крошечная желтая рука, просунувшаяся в начале зимы, напоминала, что Москва есть Вавилон, а Петербург – Иерусалаим.

Толстой не на шутку обварился в кипятке – аптекарь Левин для него приготавливал особые снадобья.

В награду Лев Николаевич обещался сделать из него полноценного русского барина.

Что было интригой, то перешло в открытое действие; с чем можно было вступить в сделку, полусознательно, полубессознательно, тому уже нельзя было уступать, не принимая на себя серьезной ответственности.

Глава десятая. Выпивали и поклонялись

Будем как Боги!

Последовательно большевики проводили тезис.

— — выпивали одни. *Будем!*

— — поклонялись другие. *Боги!*

— — задавались третьи. *Как?!*

Пробовали мыслить , но увидали, что мыслят , переходя без остановки от одного слова к другому. *как так*

Часть третья

Глава первая. Уроки общежития

Потребовались иные воззрения и понятия.

Надобно было, чтобы они, новые, раскрыли всю свою силу и заявили себя во всех применениях.

Уходят, не простившись.

Прощаясь, живут еще десять лет.

Любое событие – художественный факт и даже отсутствие событий.

Ничто не подлежит объяснению: на первое место выходит – за ним следуют образы. *так*

Деревья из зеленых превратились в черно-белые и чуть заметно шатались, точно не от ветра, а , сами по себе. *так*

, мы: папаша, маменька и я создали полезности и в этом смысле поставили на место ничто: на место мы поставили .
Таким образом ничто что-то

Мы, разумеется, не выписывали ни книг, ни журналов; папаша на ключ запирает всякую дрянь, маменька вычитала с прислуги за каждую разбитую тарелку или пропавшую салфетку – однако наша спаянная троица в упор не давала погаснуть свече, своим колеблющимся пламенем освещавшей нашу личность, нашу свободу, место, которое мы занима-

ем в совокупности природы, наше происхождение, и, может быть, нашу судьбу.

– Как математик определяет функцию по ее дифференциалу? – я обращался к родителям.

– Так! – не попадалась маменька.

– Таким образом! – не ударял лицом папаша.

Мы ужинали, повторив полный обед, а потом разошлись спать по комнатам.

Господин со странными механическими движениями стелил мне на турецком диване.

– Вечное ложе покоя, – он вместо простыни приспособил вышивку для аналая, – приурочено в последнем приюте.

Наш дом он считал странноприимным; страстность к обрядовости доставляла ему известность: Октав Федорович Мерзляков, мой гувернер и почетный опекун, ординарный профессор поэзии и красноречия, статский советник.

– На твоём уровне невозможно спать без сбоев, – он положил подушку.

Невозможно страстно любить ничтожный предмет – я любил.

Профессор давал мне уроки общежития, и я начинал понимать простые вещи: уже все подходящее взято – остались развалины.

– Сын Божий убрал две буквы из и повывлетали пчелы! – на ночь зарядил воспитатель подушку. *стульев*

Когда он вышел, из секретного места я извлек чепец: тю-

левый, с широким рюшем и превысокою тульей.

Время было знойное.

Подкрадывался : озноб и учащенное сердцебиение.
фриссон

Именно тогда произошел первый серьезный сбой: невидимая рука вместо калачей выставила сайки, голубь затрещал пальцами, и неземное существо (мальчик) взглянуло на Левина.

Глава вторая. Сдвинуть угол

— существующее не может дать знать о своем существовании, — Левин затрещал крыльями, — и потому являю его вам сайками, голубем и земным мальчиком. *Не не не*

Тройное русское отрицание предполагало замещение частного небытия какой-никакой да реальностью: сайки для убедительности посыпаны были мукой, голубь был сизый, а мальчик блестел на солнце.

Левин засмеялся и заплакал от радости: выйдя в люди из чего, сын известных родителей, он пременно хотел дойти до самых серьезных степеней. *ни не не*

Двенадцать молодых русских, из подьячих и посадских, четырехкратно умножали , не слишком заботясь о самом отрицании: так опускает функцию математик по ее дифференциалу. *тройное*

По желанию или подчиняясь необходимости, Левин мог

предстать цельным, единым существом, хотя на деле складывался из трех своих составляющих.

Пока Левин был аптекарем, он состоял, собственно, из аптекаря Абрама Левина —

как только стал он настоящим русским баринoм Константином Дмитриевичем, сразу же ему потребовалась крепкая православная основа, краеугольные камни духовности, скрепы и именно ими стали те самые сайки, голубь и этот заковыристый мальчик.

Мальчик подбегал к голубю, голубь отпархивал, выставлялись сайки: Левин выплевывал калач и помещался в условия материальной жизни. Из приданных ему умений два резко отличали его от всех остальных: Левин умел летать и, если бы это понадобилось, мог сдвинуть угол дома.

Была при всем при том интересная закавыка: , и были, как ни странно, не в нем самом, а совершенно в другом человеке: они составляли . *его счастье его жизнь сам он ее*

Это было крайне неудобно, Левин усматривал здесь некий умысел, но вынужден был подчиниться: таковы были условия его существования.

Она была некая Екатерина Герасимовна.

Он, разумеется, в ней любил самого себя — она обожала в нем свежие сайки.

Левин имел все признаки дела.

Кити кокетничала.

Он понимал: не с ним уже, а с признаками.

Признаки – призраки: все начиналось сызнова.

Когда они поженились, Кити вместо того, чтобы рассеивать его думы, то и дело корила мужа чем-нибудь вроде того, что сидит сложа руки, плюет калачами, не качает ребенка.

Мальчик стал их общим.

Счастье Левина все более становилось призрачным.

Готорн скоро понимал вещи и ругался, как большие.

Они называли мальчика Готорн.

«Разве же он не сын Анны Андреевны?!» – не мог я взять в толк.

Глава третья. Движение восторга

Сын Анны Андреевны был математик.

Отец его, по-видимому, состоял в капельдинерах.

Он настоял, чтобы Готорн обсчитывал ему абонементы.

Когда капельдинер умер, первые два года Анна Андреевна не пудрилась и не румянилась, на третий год немного стала она подрумяниваться, но еще не белилась, хотя употребляла одеколон, оделаванд и оделарен дегонри.

Никто не знал, что этот на самом деле ароматическая унгарская водка. *оделарен дегонри*

По окончании траура Анна Андреевна заказала два голубых платья, шитых серебром по шелковому полю; три розовых платья с мелкими мушками и четыре сиреневых – с большими букетами по белой дымке.

Большой букет из фарфоровых цветов бил ее по корсажу.

Высокая, статная, медленными шагами она проходила комнату за комнатой, упорно и строго глядя вперед.

Играл ансамбль трубачей, и пронзительная валторна то сливала свое соло с общими местами, то вырывалась и в одиночестве оглашала пространство.

Поэтические изображения всевозможных пороков возникали на белых стенах, но стены скоро пропадали, и только бородатые ящерицы, похожие на тени далеких предков, дразнили, как ни в чем не бывало, переливающимися созвучиями на концах гибких строк.

Одно голубое платье Анна Андреевна презентовала Кити.

Два розовых платья она отдала Вареньке и Вере Пановой.

Три сиреневых она распределила между дамами Анны Аркадьевны: парикмахерской прической, необычно тонкой талией и изящной линией платья же.

Когда Анна Андреевна на себя надевала голубое, Екатерина Герасимовна, тоже в голубом, составляла ей пару. Они садились в какой-нибудь вагон, ехали остановку или две, а потом выходили, делая впечатление на прохаживавшихся по платформе встречающих.

Анна Андреевна надевала розовое, и Варенька с Верой Пановой присоединялись к ней, образуя уже троицу; они, разумеется, ехали в церковь и там производили сильное движение восторга среди прихожан.

Когда же Анна Андреевна надевала сиреневое – отдель-

ные слова и выражения переставали пониматься в их устоявшейся функции.

Дама, принявшая форму прически, желала сказать, что она не нуждается в услугах парикмахера.

Дама, ушедшая в талию, и дама-линия платья всем своим видом говорили, что де не Анну, а именно ее достоинства. При этом дама-линия могла оторваться от платья и очертить контур обнаженного тела Анны Андреевны, а дама-талия подтверждала решение, что Анне Аркадьевне не будет сладкого пирога. *составляют подчеркивают*

Глава четвертая. Прыская ядом

Нельзя было отличить, в одинаковых платьях, Анну Андреевну от Анны Аркадьевны.

Сережа был дураком и гадким против Готорна.

Екатерина Герасимовна, тоже мама Готорна, с сыном приходила к Анне Андреевне на пирог.

Анна Аркадьевна рассуждала о предметах – предметами рассуждения были крошечная желтая рука и другая рука – невидимая, выставлившая то, что делало непредсказуемым действие.

– Вместо калачей, – говорила она, – садовая и забитая земными поклонами голова пустилась в изобретательное устройство чая на лугу со всеми сельскими прибабасами в виде соблазнительных цветочных гирлянд, крестного хода

и хора песельников, спрятанных за хоругви.

– Это в каком же абонементе? – спрашивала Анна Андреевна.

Екатерина Герасимовна знала, что голова – Богомолова и задействована в первом, православном абонементе: там люди небытия обладали меньшим наполнением, чем – человеческие же органы или отдельные части играли вполне самостоятельную роль. *бытийные*

Сережа и оба Готорна, сложившись, изобразили Тургенева: вышло похоже, и Ивана Сергеевича усадили к столу на три порции пирога.

Отчетливо дамы понимали, что надо бы полегче: в Екатерине Герасимовне сидел натуральный русский барин, Готорн был един в двух лицах, контур Анны Андреевны сам представлял даму; что же до Анны Аркадьевны – она вдруг приставила отрезанный кусок к пирогу и тот прильнул.

– Возможно всё! – сказал Тургенев.

– Слышите: верховой! – закричали.

Чертков вкатился на велосипеде, прыская ядом. Его речь была чрезвычайно резка и то и дело приправлялась выражениями, никогда не видевшими печати – дамы заткнули уши.

Чертков, бездельник, любил убивать!

В первую минуту начинаются обыкновенно разговоры, кто, куда и откуда едет: Чертков упивался ими. Ему это было то же, что другому Станислава на шею. *в агонии*

У него была голова Богомолова; одна рука крошечная

и желтая, а другая – невидимая. Уже понятно было, что он повелит дамам плести цветочные гирлянды, а то и золотом расшивать хоругви: Чертков был из первого абонементы, он до ноздрей наполнен был Толстым.

Чертков любил убитых им людей; без исключения они приходились ему по вкусу.

Когда, скажите, от сотворения мира, женщина не становилась снисходительнее к человеку, хотя и безнравственно-му, на вкус которого она пришлась?!

Никак Анна Аркадьевна не стала ему противодействовать.

Чертков тонко свистнул, отправляясь в обратный путь.
– ! – придумала Анна Андреевна рифму. *Характер апте-
карь*

Полегче не получалось.

Глава пятая. Точки опоры

Проявления жизни характерны своим взаимным проникновением.

Мыслимые предметы не изменяются, но можно ли постоянно держать предмет в мыслях?!

Стоило подзабыть Кити и Анну Андреевну, как они, в голубом, направились на вокзал.

Все было полно изменений, жизнь представлялась толсто-губою и засасывающей.

В первую минуту в вагоне начались разговоры, кто, куда, зачем, откуда едет.

Сразу несколько пар бархатного платья ехали из Пассажа для занятия живописью на пленере.

Квадратно очерченный лоб влекло заглянуть в один умерший уголок.

ехал, чтобы закусить на природе. *Колливул*

Тертые каштаны от Беррен торопились к Седову на Северный полюс; овечий же оковалок направлялся в Иудейскую пустыню.

Нездоровая печень ехала поджелттить одно важное лицо.

Сюжет ехал, чтобы все погубить, а форма – чтобы все спасти.

Кити и Анна Андреевна ехали уловить , что само себя не показывает, но вызывает явления. *то*

– брренное слово, и, пробуя его мыслить, дамы всякий раз мыслили . *То это*

Незвук порождал звук – тихие звуки-незвуки вызывали появление двенадцати молодых русских, себя представляющих органами или фрагментами: и были там сердце, печень, две руки, мертвые губы, горстка ногтей и четыре длинных пальца.

Остановки обозначены были вехами интуиции и внутри себя имели точки опоры.

Когда интуиция подсказала им выйти, дамы сошли по точкам.

Действо долженствовало происходить в поле.

Все подходящее уже было взято, остались развалины или такие цены, что приступу нет.

Они торговали тусклый самовар, темную лампу и настоячивые часы.

Лампа была невелика ростом, кривобока, горбовата, оловянного цвета глаза, нос картофелиной, зубы-клыки, кривые пальцы: потеряли. *они*

Вообще мужчина! Капитак Лампин!

– Чего изволите-с?

– Бери самовар и часы (тащи!).

По зареву щек Кити и Анна Андреевна открывали свое смущение.

– Плакали ваши инопланетяне! – вослед смеялся немец-часовщик.

Они вышли не на той остановке!

Подвел сюжет, требовалась иная форма.

Сюжет сойдет – форма поедет дальше.

как зверь она завоюет: форма! *То*

Глава шестая. Малыш уж

Вспомнилась Анна Аркадьевна.

Инопланетяне знали: она мучается запорами – больше никто!

Все остальные думали: стул в порядке.

Запор в свете приравнен был к супружеской измене.

– Клизма? Но для чего?! – Анну перед балом застала Кिति.

– Для пущего блеска в глазах! – старшая не открылась младшей.

Какая-то путаница произошла с сиреневыми платьями, и Анна не знала сама, кто появился на балу в сиреновом.

Скорее всего, внутри платья вообще никого не было – несуществующие таким образом давали знать о своем несуществовании.

Несуществующие обыкновенно заявляли о себе немислимыми поступками: они сливали звуки с незвуками, запросто жизнь одного человека могли заключить в другого; они делали вид, что вполне понимают значение и смысл положений, признают и даже одобряют их, но считают неуместным и лишним объяснять все это.

В сиреновом платье на балу была парикмахерская причес-ка.

Несуществующие понимали то, чего не понимала сама Анна: именно того, как могла эта прическа, жуя мертвыми губами за ее плечом, себя зазывать , и . *путем истиной жизнью*

Несуществующие через инопланетян объяснили Анне: да, в платье никого нет, но то, что есть – мать Черткова.

Тоже Анна – Анна Константиновна Дитерихс, всех приглашала заглянуть в один . *умерший уголок*

Куафер перече́сал ее три раза, платье пришлось подкалы-
вать целый час: на чем прикажете?!

Судаковатый человек засунул руку в ящик – : переключка
поколений. *мальши уж отморозил пальчик*

Анна была на балу, но не хотела принимать этого. *одна*

Именно она была , , , но часть своих составляющих деле-
гировала прическе и линии платья. *путем истиной жизнью*

И потому, может быть, не было прошлого – только вче-
рашнее!

В прошлом осталась измена, запоры обернулись на доро-
гах: она обрела былой блеск в глазах и буквально вчера клиз-
му отдала стареющей Кити. *заторами*

Анна-жизнь теперь не была толстогубою и засасывающей:
таковою стала Анна Константиновна.

Анна-истина перестала быть прописной: ею представля-
лась госпожа Дитерихс.

Анна-путь явилась новым, другим путем: старым осталась
мать Черткова.

Варенька и Вера Панова на мороз выставляли сайки.

Голубь отхаркивал.

«Алексей Кириллович Самовар», – Анна Андреевна пре-
одолевала католичность мысли.

На завтрак мы повторили полный ужин.

Римлянин желал видеть игривого пилигрима.

Умерший уголок был казармой железнодорожной стан-
ции.

Глава седьмая. Быльем поросло

Было несколько позже трех часов.

Двойные рамы не пропускали веселого шума.

Не оставляя своего положения, Анна не разнимала скрещенных на груди рук.

История с кровавыми ранами, благородными слезами и честным концом подошла к завершению (подошва!).

Привозной паровозный социализм хоронил даму с тенденциями.

Теперь Анна охватывала жизнь во тьме, не видя, а лишь осязая ее.

«Как меня встретят, – думала она, – какой я предстану?»

У каждого свой Бог – свой Бог-отец и свой Бог-сын.

Ли-сын-ман! – по ошибке ее привели к буддийскому.

Ее Бог напоминал портье с замашками генерала.

С трудом налаживаясь на равнодушный тон, он стал снимать с нее формальный допрос.

– Что было тебе до отца Гамлета? – он приступил по-большому: Бог-мысль.

– Отец Гамлета был в коричневом, – она высвободилась: Анна-истина.

– А для чего развязала ты войну в Боливии?

– Требовалось под шумок вывезти наркоту. В сыре.

– Дурью вы накачали жену Толстого, после чего положили

на рельсы. Чем она провинилась?

– Кто-то вставлял между строк Толстого фразы Шекспира, и он заподозрил Софью Андреевну, – Анна спустила воду: Анна-путь.

Она не была более Анной-жизнью.

Ад или рай?

Нечто среднее: Сад мучений!

В казарме-музее железнодорожной станции Анна Константиновна Дитерихс указкой обвела контуры тела Анны.

– История закончилась, – она объявила экскурсантам, – но Богу открылось далеко не все, и потому он решил что-то перепроверить.

– Он послал сына, – квадратно очерченный лоб спросил, – под видом инопланетянина?

– Каждому человеку соответствует свой предмет, – мать Черткова выключила веселый шум. – Людей, однако, больше, чем предметов, и потому один предмет может представлять сразу несколько человек.

– В особенности, если это немцы, – квадратно очерченный лоб подпустил: – какая-нибудь лампа, и тут же – немец-часовщик, немец-временщик, немец-медовик!

– Немец-фокусник! – дала Анна Дитерихс завести себя в сторону. – Немцы заменяют специалистов, когда их нет! Пришел немец с инструментом, и пошли слесарные мастерские; пришел немец с винтовкой, и пошла мировая; пришел немец с указкой, и пошли экскурсии!

Настойчиво часы тянули время.

Было несколько раньше трех часов.

Что было? – То!

Что было – то было!

Глава восьмая. Каждый волосок

История с кровавыми слезами, честными ранами и благородным концом подошла к своему завершению.

Прибавился голубь – он на плече немца, но это ничего не меняло – игривый пилигрим сдвинул угол дома, а с ним – жизнь, счастье и самого себя. *перхал*

Он проповедовал триединую задачу: построить паровозный социализм, бесплатно и поровну всем раздать сайки, родить и воспитать нового, человека. *другого*

Такая религия не могла понравиться римлянам – Анна набросал свое резюме: всё на усмотрение префекта.

– Что это? – префект кивнул на конфискованные вещи.

– Предметы личной гигиены, – игривый пилигрим объяснил, – зубная щетка, несессер, мочалка, туалетная бумага.

– Дети есть у тебя?

– Сын.

– Веришь в себя?! – префект хмыкнул.

– Еще как!

«Если он Бог, пускай сам и выпутывается!» – наместнику надоело.

Много шлялось по Иудее , противившихся Юпитеру и Венере. *подобных*

– Что вы решили, (царь пустыни)? – спросил Анна. *игуан*

– Устроим бал! – наместник прищурился. – Вы ведь будете? В черном?!

Было ровно три часа.

В доме крахмалили юбки, бегали с клизмами и за куафёром; Анна менял парики: каждый волосок должен был соответствовать Его учению.

– Однако, вы пополнели! – заметила одевавшая Анну горничная.

– Каждому присуще человеческое бытие, даже Богу! – рассеянно он отвечал.

Все дышало непричастной мужчине воздушностью мысли и пряным запахом притираний.

Зной спал, качались пальмы, вдали кричали ослы, верблюды, лисицы.

Животные более похожи были на геральдических: верный осел, эгоистический верблюд, лисица; животные ни о чем не помнили, но ничего и не забывали. *луковая*

Прошло то время, когда премилосердный Судия воплощался в диких зверей и гадов морских – пришло время, когда Он избрал воплотиться в человеческом существе!

Балу присвоена была высшая категория, а это означало, что женщинам на него входа нет: женщин изображали мужчины.

Анна был не в черном, как того непременно хотел наместник, а в лиловом, низко срезанном бархатном платье, открывавшем его цвета старой слоновой кости полные плечи и грудь. Парик был незаметен. Колечки курчавых черных волос кое-где пробивались на подбородке.

Он стоял чрезвычайно прямо и разговаривал с кем-то из колена Левина.

– Нет, я не брошу камня! – отвечал он на что-то.

Глава девятая. Прильнуть намертво

В это время с сопровождавшими входил пилигрим, и на лице Анны, всегда твердом, появилось выражение потерянности и покорности, похожее на выражение верблюда или лисицы, когда они виноваты.

– Прекрасный бал! – сказал один другому, чтобы сказать что-нибудь.

– Да, – отвечал другой.

Они чувствовали себя одни в громадной зале.

Префект танцевал с молодым гастатом в первой паре; воздух кипел блеском.

Стены потрясались гулом радости, все пылало пожаром утех.

Уста волновались улыбками, сердца бились забавою, все самолюбия заведены были тугими пружинами: бал шел горою.

После пиррихия с мечами и щитами – в медленных ритмах была эммелия, за нею следовал беспорядочный кордак; все должно было решиться в сикканиде.

– Меня распнут, – вывернул пилигрим ноги, – на кресте?

– Нет, – резко Анна повернул корпус в перпендикулярную ногам плоскость. – Не распнут!

Халдеи разносили бокалы.

– Он при мне звал его на мазурку, – дюжий центурион сказал, зная, что его собеседник триарий поймет, кто и . он он

– Мазурки не будет! – старый солдат рассмеялся.

Вместо мазурки была пляска mww, выполнявшая функцию уже погребального танца.

Римляне были слишком умны, чтобы возвышать дерзкого на кресте – он буднично был побит камнями, а после помещен в каменный сосуд, залит медом и оставлен созревать в пещере; откупоренный через положенное время, он должен был исполниться лекарственных, молодильных свойств.

Кто именно вскрыл сосуд и как оказался в Боливии оставалось тайной, но Анна Аркадьевна и молодой Вронский, когда их спрашивали о голове, отвечали, что это голова и время просто стерло отдельные звуки; немец, послушать Вронского, поведал иудейскому первосвященнику вовсе не о нём и Анне, а совсем о другой Анне (Пророчице) и о другом нём – Анна же говорила, что немец, дескать, был сделан из овечьего сыра и, будучи приставлен к большой немецкой

сырной голове, мог намертво к ней прильнуть. *он самца немца*

На встречи с читателями Анна и молодой Вронский приносили в доказательство своих слов некую Анну Фартусову, старицу еврейского типа восьмидесяти четырех лет, в хитоне, полуфелони и с покрывалом на голове вместо чепца.

– Знаем ее, – прихожане топырили кверху пальцы. – Благочестивая вдова. Она не родила по расчету!

– А Елисей с его торговлей, – перебивал Иисус Сирахов, – плешивый, как он?!

О Елисее-Торговнике и его магазинах можно было говорить или хорошо, или ничего.

– Ничего, – говорили Анна и молодой Вронский. – Он – ничего!

Глава десятая. Весело жить

Опасаясь потерять друг друга, Анна и молодой Вронский были вынуждены то и дело кричать.

– Бог есть Бог!!

Они знали тайну весело жить в этом мире, но их спрашивали о другой.

– Выходит так, в Иудее римляне казнили Бога-сына?

– Какого сына? – парочка удивлялась. – Казнили Бога-отца!

Часть четвертая

Глава первая. Удары капель

Когда Александру Станиславовну спрашивали, что произошло с ее мужем, Шабельская отвечала по-разному: упал с велосипеда, погиб на дуэли, объелся устрицами у Елисеева, вошел в пушкинский мавзолей и позже был найден там бездыханным.

«Богдыханом!» – слышалось генералу Муравьеву-Опоссуму.

– А почему Вронского покойник называл евангельской гадиной? – к вдове приходил следователь.

– Алексей Кириллович, – Шабельская отвечала, – по сути своей искуситель, растворяющий человеческие понятия в законах животного мира: человекочерт!

– Он приносил вам на хранение вещи? – судейский принохивался.

– Кучу! – однажды, не выдержав, она подтянула сразу несколько чемоданов. – Кучу омерзительных вещей и вонючих предметов. – Вот, полюбуйтесь: использованные шприцы, мешочки с калом, пробитый череп, остатки завтрака, хвост датской собаки!

Похожий на доктора Чехова, но умерший годом раньше,

следователь Александр Платонович Энгельгардт насильно помещен был в каменный сосуд и полностью залит медом – с тех пор он ощущал в себе целебные и даже омолаживающие способности: его любили дамы в возрасте.

Живая легенда второго абонемент, он, в силу обстоятельств, был переброшен в третий, где распутывал заковыристый казус, не отдавая новому делу, разумеется, всего себя, но и не опускаясь ниже своего профессионального уровня.

Александр Станиславовне он дал мизинец, та с наслаждением его покусывала. И в самом деле, с каждым его посещением она становилась все привлекательнее.

– Отец, – мурлыкала она, – принял форму сына, чтобы показать, что он вообще не нуждается в потомстве.

О чем бишь он спросил ее?

Его сходство с Антоном Павловичем плавно переходило в тождество, и тогда Александр Платонович дергал себя за бородку, протирал пенснэ, покашливал, хотел сына от Книппер или дочь от Мизиновой, но получал лишь письмо от Левитана или открытку от Потапенко, извещавших его о героической сдаче Севастополя либо о постыдном взятии Ялты.

Шабельская просила его послать за архитектором, но Энгельгардт в Севастополе на бульваре, возле гостиницы Киста, слышал басок Чехова в долгополом пальто и в желтых ботинках. Ветер свистал как настоящий, слышались удары

отдельных капель дождя.

– Кто же напал? – один спрашивал другого.

– Тройственная агрессия, – другой отвечал одному: – Англия, Франция, Израиль.

Так выходило – напали на мирных инопланетян (смеялся Пушкин!).

Сюжет для небольшого романа?!

Свет померк, и по полу прокатился . *померок*

Глава вторая. Справа налево

На смену Суворову и Кутузову пришли Суворин и Кутузин.

Активизировались левиты – их представлял Левитан.

Крым был завален мешочками с калом, пробитыми черепами и остатками завтрака.

Аптекарь Левин из Одессы привез одноразовые шприцы.

Артиллерист-сын Толстого стрелял преимущественно после обеда и, конечно, не из пушки. Лика Мизинова желала Антону Павловичу такого же сына.

Полный желтоватой жидкости Александр Платонович наблюдал, как волны золотистого света быстро несутся по набережной:

– и чем разнятся? *Кажущееся* *кажущее*

– Кажущееся, – давно Энгельгардт обдумал, – это дама с питбулем, а кажущее – коричневый монах.

В одном номере все трое жили в гостинице Киста.

Дама была Англия.

Монах был Франция.

Питбуль был Израиль.

Антон Павлович дал отмашку, и Александр Платонович выбросил еду: завтрак был отвратительный и состоял из объедков, приготовленных самым нелепым образом.

Едва заметно Антон Павлович смеялся. Очевидным для него становилось всякое непосредственное созерцание. Он был немного актер, когда писал свои вещи. Впервые Ибсен прочитан был справа налево и открылся безлично. Отраженные волны носились по коридорам.

Суворин и Кутузин – оба под сорок.

Все люди именно этих лет: Левин, Левитан, Лев Львович – сын Толстого.

Заказали обед, вполне приличный.

Приехавшие более похожи были на геральдических, чем на реальных: верный Левин, эгоистический Левитан, луковый Лев Львович.

Огромная масса еще неисполнившихся пророчеств, обманутых надежд, борьба веры и воображения против обыденности утвердили в них ожидание Мессии.

Александр Платоновичу Энгельгардту неловко было объявить, что Мессия – как раз он.

– Мессия – это Несби! – посмеивался Чехов.

Умышленно он позвал двух израильтян, чтобы услышать

их возражения.

Левин и Левитан приехали со своими космополитическими привычками и неким прозрением будущего.

Одно будущее уже было построено, но не годилось: паровозный социализм.

Проектировали будущее следующее.

Когда обед почти был закончен, раздалась канонада.

– Никак сердит ноне? – спросил, пробегая мимо, монах в коричневом.

– Сердит аль милостив – тебе дела нет! – ответил Лев Львович.

Глава третья. В один день

Освободилось место, и на него двенадцать молодых русских подставили некоторую реальность.

Столик накрыт был вышитым покрывалом, на котором стояли бутылка вина, графин с водою и тарелка с плодами.

Еще был шкаф, встречи с которым невольно избегал ее взор – в шкафу висели белое платье с широкою блондой и монашеская ряса: будь это ночью, Анна Сергеевна легко могла бы вообразить, что там внутри Ольга Книппер с одним из Немировичей.

«Многоуважаемый!» – она заставила себя приоткрыть дверцу.

Волна золотого света вырвалась наружу, распространи-

лась по комнате, вышибла дверь и помчалась по коридору гостиницы. Это был вольтов столб: бутылка оказалась с кислотой, графин был медный, тарелка – цинковая; конструкция была соединена проволокой с дверцей шкафа.

«Придут англичане с черепом, и пойдет Шекспир!» – Анна Сергеевна смотрела вслед.

Коврин возвратился с газетой.

«Отец Гамлета принял форму черепа, чтобы показать, что он не нуждается в мозгах!» – писал в передовице Толстой.

Коврин и Анна Сергеевна приехали в Крым, чтобы взорвать на воздух памятник Ленину.

Акцию отнесли бы на счет Англии, Франции и Израиля. Сын Ленина, тайно прибывший на полуостров, выдавал себя за сына Толстого. Памятник Крупской, в квартале от мужа, оборудован был пулеметным гнездом; египетская делегация привезла огромный сосуд из камня с прекрасно сохранившейся мумией мужского пола. *стоявшей*

Им предстояло умереть в один день.

Первого августа, когда в Петербурге после перерыва вновь зажигались фонари, Анна Сергеевна должна была выйти из поезда и объявить, что только что Коврин скончался – потом на перрон выходил Коврин и объявлял, что скончалась Анна Сергеевна.

Безвольное ожидало чужой воли, чтобы из эстетического небытия пройти в художественное бытие.

Ждали, что потухнет лампа.

Остынет самовар.

Встанут часы.

Одноразовые люди разбрасывались внутренними органами; внутренние органы из себя выпускали тихие звуки-незвуки; звуки-незвуки оборачивались точками опоры.

Именно памятник Ленину был точкой опоры Севастополю и всему Крыму.

Запросили Норвегию: люди – для любви?

Ответ не замедлил: *для бывать!*

Тут же на скорую руку (невидимую) Коврин и Анна Сергеевна, было созданные для любви необыкновенной, были трансформированы . *для бывать с ними*

Некоторые. На свете.

Как-то.

Глава четвертая. Обратным ходом

Некоторых людей любишь больше всего на свете, а с другими как-то больше хочется бывать.

Анна Сергеевна предметно обозначала цвета: , , , – Коврин же предметность определял цветом: , , . *кофейный шоколадный оливковый серизовый желток, оранжад зеленка краснота*

Они пили оранжад в серизовом саду, где бывали иногда с другими людьми, и отвлеченное содержание жизни, уловленное человеческим рефлексом, тенью скользило за веще-

ственными явлениями.

– В некоторых случаях есть признак скромности, – сказал по-французски Коврин.

О чем это он: какие окна и двери?!

Коврин был эмпиричен, Анна Сергеевна – целенаправленна.

Вот-вот должна была подкатиться точка зрения.

По ней – Коврин был свежая смерть, Анна Сергеевна – смертельная свежесть.

Каждый придавал происходившему и не происходившему свой собственный смысл и потом обратным ходом приписывал его предмету или цвету понимания.

– Вот ваш народ: эти окна и двери, чуда искусства он все заложил! – мегадекламировал Коврин.

Анна Сергеевна, впрочем, сознавала, что Коврин в коричневой рясе, был лишь возможный Коврин, но ей хотелось оценить эту возможность. *этот*

Новоиспеченный Коврин включал в себя Гурова.

Коричневый монах в представлении Анны Сергеевны был монахом кофейно-шоколадным: в этом заключалась его эмпиричность; целенаправленно Анна Дмитриевна перебирала возможности.

Возможность – не мечта; возможности существуют всегда.

Была возможность, к примеру, занять в гостинице (Кист предлагал) сплошь красный номер с кровавыми портьерами,

мебелью и ковром – в этом случае их лица (Анны Сергеевны и Коврина) сделались бы лимонно-желтыми; они могли бы (Коврин и Анна Сергеевна) упасть с велосипеда, погибнуть на дуэли, переест устриц или послать за архитектором.

Они выбрали взорвать памятник.

С кислыми лицами (они перебрались-таки в другой номер, но с лимонным интерьером) они прогуливались возле каменного идола, изучая обстановку: памятник проектировал не скульптор, а архитектор и потому Ленин снабжен был окнами и дверью, впрочем, заложенными кирпичами якобы на случай артиллерийского обстрела.

Была возможность ночью кирпичи разобрать, проникнуть внутрь и прежде, чем взрывать, – высвободить из заточения, что, по общему мнению, заключено было внутри. *то*

Чехов жил в Ялте, но они придумали его в Севастополе.

Другой Чехов или некоторый?!

Другой – норвежский.

И некоторый – справа налево!

Глава пятая. Запах пирогов

С его именем в представлении публики не связывалось сколько-нибудь определенно выраженной физиономии.

Чехов имел два костюма: белый в синюю полоску и бакланский – в молочную.

В какой-то степени Чеховым на сцену выступил Энгель-

гарт.

Другим Чеховым был норвежский (справа налево): Несби.

– Отчего вы всегда ходите в белом? – любил Энгельгарт поддеть.

– Оттого, что в Норвегии не растут баклажаны, – парировал Несби.

Разлука была необходима для обоих.

Они оба, впрочем, существовали и сами по себе: один как судебный следователь, другой как дерзновенный отрицатель нравственности – Потапенко же, Суворин, Мизинова (ровно как Коврин, Гуров и Анна Сергеевна) без Чехова внутри или снаружи не существовали бы вовсе.

Созданные Антоном Павловичем для (а Книппер – для), все же они служили Чехову своеобразной опорой; особая роль Левитана заключалась в том, что он нарисовал его таким, каким он и остался в нашей памяти: в долгополом пальто и в желтых ботинках. *бывать бывать с ним*

постоянно возвращались к еще не случившемуся: Пушкин жив! *Они*

С треском раскрывался веер возможностей: пушкинская сила вещей разбрасывала предметы: Петербург хотел поглотить Россию.

У Пушкина кружилась голова: только что он прочитал Шекспира.

Определенно, за стеклянными дверями кто-то сидел.

Неслышно Пушкин подкрался на запах пирогов.

Огни чертят в окне дуги.

Трудно маленькой девочке против взрослого дядьки.

Пушкину – пятьдесят четыре, Наташе – девять.

Толстому – сорок семь, Соне – шесть.

Чехову – тридцать восемь, Оленьке – четыре годика.

Наташа – с кислотой, Толстой – медный, Оленька – цинковая: конструкция вся соединена с ручкой стеклянной двери.

Пятеро ждут шестого, чтобы с его помощью из художественного бытия пройти в эстетическое небытие.

Играли, чтобы скоротать время, в игру: , , , . *velosiped дуэль устрицы архитектор*

Выкидывали пальцы.

Велосипед давит устриц.

Архитектор разбивает велосипед.

Дуэль убивает архитектора.

Устрицы предотвращают дуэль.

Пушкин одевается, едет к Елисееву.

В устричной зале – партийный съезд.

Опоздавший уже не поест.

Ленин представляет большевиков.

С Крупской целоваться всегда готов.

Страстно возражает Инесса Арманд.

Тоже за словом не полезет в карман.

Глава шестая. Шея надулась

С легкостью Александра Станиславовна Шабельская могла бы принять следователя за Чехова, но не стала делать этого и не посчитала, что упустила возможность, поскольку та ровным счетом ничего ей не давала: представлялось необязательным – же указывало дорогу. *кажущееся кажущее*

Александр Платонович Энгельгардт был немного актером, когда снимал показания: ей казалось, он пишет справа налево.

– Маленькие девочки?

Она ничего об этом не знала.

– Памятник?

Лучше послать за архитектором.

Определенно, что-то она пыталась от него утаить, но вряд ли скатилась бы до прямой клеветы.

Или же она указывала ему дорогу?!

Следователь прожевал.

Александра Станиславовна предлагала ему поиграть: скрывало ; касалась и тогда: выходило – ! *утаить Кутаис клевета Левитана прожевать Пржевальский*

– Скажите, – выставил Энгельгардт палец, – ездил Левитан в Кутаис?

Она отгрызала ему ноготь, но следователь не чувствовал боли.

Шабельская была старым модифицированным мутантом, но Александру Платоновичу она показалась очень милой и трепетной.

Он находил ее прекрасной и громко выражал свой восторг.

Узнав, что роман наладился, Толстой долго ходил из угла в угол, руки у него тряслись, шея надулась и побагровела.

Федор Михайлович, сильно загоревший, замученный и злой, кричал, что его разрывают на части и что он пустит себе пулю в лоб.

Тургенев цитировал Тацита: *постоянно радуйтесь!*

В Царскосельском лицее всем задавали один вопрос, но ответил лишь Пушкин:

– Кем был Цицерон?

– Он был проводник, чичероне!

Толстой испытывал любовь к сочиненной женщине: он видел свою Анну такой, какой хотел ее видеть.

Федор Михайлович не искал фактических доказательств: мог освистать – значит, мог и отравить.

Тургенев отнюдь не настаивал на ускорении дела.

– Решительно убеждена в том, что представляюсь вам ужаснейшим чудовищем! – Шабельская говорила следовательно.

Чехов уже был иконой – вокруг него создавалось почти-тельное мертвое пространство.

В немецком Баденвейлере, в городском парке, в длин-

ной бельевой корзине двенадцать молодых немцев проносили по убитой гладко дорожке бездыханное тело.

На вокзал?!

Но чем нелепей точка отправления, тем интересней будет результат!

Глава седьмая. В пять цветов

Иван Матвеевич видел, что Александра Станиславовна не верит!

Он рассказал ей историю в Баденвейлере.

– Встань и иди!

Шабельская рассмеялась:

– И куда же?!

Старомодный, устарелый человек слился с неясной мыслью и унесся в мировое пространство.

«Следователь принял форму Чехова, – обдумывал он, – но для чего? И почему глубоко внутри он называет себя Мессией – ведь вовсе он не сын?» *там Его*

Иван Матвеевич не знал и сам, продолжает ли Он оставаться Богом (Отцом) или же окончательно превратился в пятизвездного портье: какой он отец, если у него нет сына?!

Когда, после учиненного римлянами, он воскрес и возвратился к своим обязанностям, то воскресил из солидарности еще многих людей и персонально Анну, от которой тоже хотел сына – побочным эффектом стало воскрешение древне-

го иудейского священника.

Бог мыслит вещами: мешочками с калом, пробитыми чепцами, остатками завтрака.

Три раза упомянуть – один раз объяснить!

За стеклянными дверями сидит Гамлет с пирогами!

Первый раз Он был отцом Гамлета.

Второй раз – отцом Гагарина.

А на третий раз – не пропустим Вас: дерзкая игра маленьких девочек?!

Ехал Чехов из Баденвейлера, а приехал Левитан в Кутаис!

Недоставало клеветы и Пржевальского.

Существуют люди, которые постоянно вмешиваются в то, что до них не касается, именно: капитан Лампин, Кутузин, Лев-Львович-сын, Иисус Сирахов, торговец Елисей, Генрик Ибсен, Чертков, Анна Дитерихс-мать, Пржевальский – это чистейшая клевета! В том смысле, что людей этих не существует вовсе!

Но вот возникает нечто, никак не касающееся существующего в действительности, а существующему этому смерть как охота встрять – и тогда оно вмешивается в это, его не касающееся, под именем несуществующего!

Когда Левитан приехал в Кутаис, там его встретил Пржевальский!

«Кто бы это мог быть?» – не ожидал художник.

«Несуществующему вмешаться в происходящее!» – себя подбадривал путешественник. *самое то*

Двенадцать молодых кавказцев выдвинулись из-за горного силуэта с длинной бельевой корзиной.

Левитан, впрочем, тоже более смахивал на геральдическое: в крупной чешуе, выкрашенный в пять цветов, двухголовый, величественно он протянул Николаю Михайловичу лапу орла с большими загнутыми когтями.

Глава восьмая. Сквозь пальцы

В общем-то, ничего не происходило.

Маленькие девочки играли в Баденвейлер, Петербург, Ку-таис.

Толстой освистывал Шекспира, Федор Михайлович разрезывал Пушкина, Чехов всмятку варил Толстого.

Шекспира не существовало: Ибсен!

Знаменитый монолог Гагарина мешался с полетом Гамлета.

Если Пржевальского не было – его стоило выдумать: от кого бы хотел он сына, дерзновенный отрицатель женственности?!

Только что умер Ленин, и Пржевальский метил на освободившееся место; возможность существовала.

– Как вы займете, – недоумевал Левитан, – если отрицаете самое существование Крупской?! И потом – сын?! Признает вас отцом сын Ленина?! *его*

– Многоуважаемый – полуобнаженный! – Николай Ми-

хайлович запирал Левитана в шкаф.

Главное было не заигрываться.

Дядя и племянник прошли несколько комнат и остановились в маленькой, элегантно отделанной гостиной: дядя привлек племянника на сиденье рядом с собою. Диван был с выпуклой спинкой красного дерева, с твердым сиденьем, обитым жесткою, колючей, волосяной материей черного цвета. В такой диван хорошо было упрятать бездыханное тело, но прежде из объемистого нутра следовало бы извлечь проводники, гальванику и ящик с элементами электрической батареи.

– Дамы в ассортименте носят траур, – племянник обратился к дяде, – так почему бы тебе не посмотреть на это сквозь пальцы?

У дяди сделалось тевтонское лицо.

Взаимное их понимание установится ли или же отдельные два мира так и не соприкоснутся ни в одном пункте?!

В то время как Пржевальский держал в шкафу Левитана, а племянник уговаривал дядю, полуобнаженный сын Ленина ждал третьего упоминания о себе: несуществующий, из небытия он стремился перейти к бытию.

Левитан, таким образом, из бытия переводился к бытию же; Чехов – из бытия к небытию; дело было за сыном Ленина.

«Сын Ленина – американец!» – наконец, проскочило в газетах.

Тут же он объявился в России.

Полуобнаженный, он походил на молодого бога.

Он привез продовольственную помощь: остатки американских завтраков – и научил накладывать их в пластиковые мешочки.

Он научил россиян жить не во времени, а в разрывах его.

Крупный разрыв времени произошел в Крыму, но подготовленные люди только улыбались и подмигивали.

Левитан выпущен был из шкафа.

Ленина замуровали в собственном его памятнике.

Чехов встал и пошел.

«Мессия с берегов Миссисипи!» – газеты писали.

«Лучше бы вместо Бога-отца казнили Бога-сына!» – такая мысль возникла одновременно в квартире Шабельской и в доме Карениных. *тогда двусмысленная*

Глава девятая. Выйти наружу

Так думал воскресший к новой жизни первосвященник Анна.

Двуличный и гетерогенный по ипостасям, распавшийся на женскую и мужскую свои составляющие, в квартире Шабельской он, в образе некоего Владимира Коренева, безостановочно думал так и сяк; едва ли не ежеминутно, ежечасно и ежедневно все вокруг перекраивалось, вычеркивалось, не действовало более и заменялось противоположным либо

сходным – а у Карениных в доме другая половина первосвященника, перевоплотившаяся в хозяйку дома Каренину Анну Аркадьевну, стремилась в то же самое время приготовить спаржу: спаржа, внутри себя содержа готовность быть съеденною, никак этого внешне не проявляла: разве же заключенные в кастрюле находятся там ради наказания?!

Странно удвоенная реальность бытия странно удваивала нереальность небытия: взявшийся ниоткуда Вронский более интересовался Корневым, нежели Анной Аркадьевной; Анна не поехала в гостиницу на встречу с генералом; Ленин жил в шалаше, вырабатывая категории мысли, расширяя их и превосходя: кто пустил его в Сад мучений?!

– Инстинкт – это , – говорил, писал, учил Ленин, – а идеалы лучезарно прекрасны. *племянник*

– Кто тогда ? – Анна пыталась соединить два отдельных мира. *дядя*

– Интеллект, – Ленин смеялся, оставаясь серьезным. – Дядя представляет интеллект.

Анна хотела и не хотела сына от Ленина. Повсюду был кал. Его собирали в мешочки, и Крупская уносила.

– Хочет вылепить памятник, – Ленин махал руками. – Сквозь пальцы.

– Почему она носит траур?

– По польскому восстанию, – Владимир Ильич объяснил, – подавленному царским правительством. Российские войска под предводительством генерала Муравьева-Опоссу-

ма вошли в Варшаву, и Крупская с Пржевальским вынуждены были бежать.

Пржевальский и Крупская, узнавала Анна, натурально, бежали в Америку, где незадолго до этого от бремени разрешилась Инесса Арманд.

На берегах Миссисипи Николай Михайлович объявил себя грузином, а Крупскую – несуществующей; Пржевальский должен был сменить Ильича на посту Генерального секретаря большевистской партии и потому с сыном Ленина возвратился в Россию.

Они планировали на первое время выдать себя за дядю с племянником, но Николаю Михайловичу для этого не достало интеллекта, а маленькому Арманду вдруг отказал инстинкт.

Племянник же и дядя, так и не выйдя наружу, остались в небольшой элегантной гостиной со старинным черно-красным диваном.

Объемистое нутро дивана дало им приют.

Дядя был весь проводники и гальваника – племянник уместился в ящике из-под элементов электрической батареи.

Запуганный Левитан должен был увезти их в Крым.

Так планировалось убить двух зайцев: избавить Николая Михайловича от последствий неудачной задумки – и взорвать память о Ленине.

Глава десятая. Американский молоток

– Молоток! – мальчику говорил Пржевальский. – Ты —!

молоток

Не же, не ?! *полоток оковалок*

Американский молоток.

Хаммер.

Арманд Хаммер!

Часть пятая

Глава первая. Отклонения от формы

Его считали богоотступником.

Скрытая сущность Вронского, постигаемая разве что в процессе его умозрительного созерцания, выявлялась как – внешние проявления Алексея Кирилловича, ошибочно принимаемые за единственную его сущность, определяли его *человекочерт черточеловеком*.

Кто-то считал его необыкновенным, исключительным, именно человеком: ! Другие вовсе не находили в нем человеческого: ! *феномен ноу-мен*

Человек был высокого роста, сильного сложения, с правильными чертами лица – нечеловек имел рост еще более высокий, но сложение послабее; черты его лица в целом оставались правильными, хотя становились заметны и некоторые отклонения от формы.

Феномен любил фаршированную щуку и опресноки – ноу-мен предпочитал жареного леща, ветчину и деревенские лепешки на масле.

Человек и феномен считали себе за пятьдесят лет; нечеловек и ноу-мен были куда древнее.

Алексей Кириллович стремился упростить человеческий

ум, изгнать многобожие, а за ним – и единого Бога.

Он верил в самого себя.

Эгоист от природы, он знал обязанности только в отношении к самому себе. Религия его не была связана с нравственностью. Гремучая смесь откровения и лживости, легкость в оправдании торжества страсти над долгом могли быть объяснены исключительной распущенностью, вследствие которой он был совершенно равнодушен в выборе средств. Ему был неведом бескорыстный и отвлеченный способ суждения о предметах.

– Зачем вы избегаете меня? – смеялся он иногда в углу комнаты, впотьмах.

Он мог не отразиться в зеркале.

Молодой Вронский заставлял Анну раздеваться при лошади, и Анна плакала, говоря, что это стыдно.

Когда на вокзале Вронский встречал папского нунция и на платформу вынесли тело в дороге умершего немца, Вронский уже знал, что Некто перераспределит исходы, и обратно в Германию и в Рим поедет живой немец и повезут умершего нунция.

Анна несомненно бросала ему вызов, но Алексей Кириллович, формально принявший католичество, при входе в вагон столкнулся с прибывшим Кореневым, который обжег его взглядом, и потому Вронский не принял вызова от Анны и принял его от Владимира Борисовича.

Будь Вронский в тот момент чуть внимательнее, он без

труда определил бы, что Коренев и есть недостающая часть Анны, что наложенные в определенных позах друг на друга Владимир Борисович и Анна, составляют совсем не из профанного, а из сакрального уже мира. *другого Анну*

Глава вторая. Другое лицо

Алексей Кириллович любил повторять, что Тот, Кто принял на себя все грехи человечества, никак не Бог (Сын), а, скорее всего, Черт (Племянник).

Послушать Вронского, так Черту-дяде и Черту-племяннику еще и соответствовал некий Грешный дух, снисходящий в перьях старого ворона.

Прихожане в большинстве своем принимали эти слова за гудение тусклого самовара в темном свете кривобокой лампы; настойчивые часы затягивали слово за словом в свое исчезающее время, и Вронскому оставалось лишь прекратить агитацию устную (устричную) и перейти к листовкам с воззваниями.

Распространение материалов поставлено было на поток у большевиков, и Алексей Кириллович, войдя с ними в сношение, сделался в какой-то степени и спонсором переворота, способствовавшего искоренению официальной религии.

Лампа, самовар и часы стали восприниматься вместе.

Чертков, Лампин и возвратившийся из экспедиции Седов за ночь набивали снегу столько, что в другом месте Кити

с Анной Андреевной уходили почти по пояс. *капитак*

Мать Черткова Анна Константиновна Дитерихс занималась распространением листовок в петербургских гостиных, а муж Анны Сергеевны господин фон Дидериц в доме повесил икону с Чеховым и насильно кормил супругу арбузом.

– Дом! Дом! Дом! – в рельс бил Толстой.

Рельс (по легенде,) повешен был во дворе дома, где жил Вронский. *тот самый*

Алексей Кириллович получил письмо: старинная подруга сообщала, что ненавидит мужское тело.

Мужским телом она называла Пржевальского.

Дамы в ассортименте носили траур.

Дядя Гамлета оказался отцом Гагарина.

Сын Ленина прибыл в Россию, чтобы принять на себя грехи большевиков, списанные было совсем на другое лицо, – следить за процессом из Рима откомандирован был папский нунций.

– Зачем ? – Вронский спрашивал нунция. *ему*

– Принявший все грехи большевиков на себя, – нунций отвечал Вронскому, – автоматически переходит в разряд Сыновей Бога.

Объяснять, какие это дает преимущества, было излишним.

– Он собирается взять ответственность за расстрелы в Крыму?! – содрогнулся Алексей Кириллович.

– Не было там никаких расстрелов! – строго посмотрел

нунций. – Чехов умер в Баденвейлере, Левитан – в Грузии, Коврин и Анна Сергеевна – в Петербурге, Мизинова – во Франции, Левин – в Израиле.

– Шекспировские страсти! – что-то такое Алексей Кириллович слышал. – Попили чайку?!

– Увы, – нунций блеснул глазом, – каждый из них выпил чаю с Полонием.

– Кажется, Полоний был дядей Гамлета? – Вронский вдруг полез в азы.

– Гамлет его за своего дядю, – туманно как-то ответил нунций. *принял*

Глава третья. Темный предшественник

Алексей Кириллович шел по набережной, мало обращая внимания на толпу, сквозь которую он направлял свои одинокие шаги.

Он думал, если он зайдет к Анне – все упадут.

Нет повторения без повторяющего – он, наконец, решился.

Вещи обнаруживали себя как : в штольне оборудовали швальню: в шахте лифта невысокого, но аристократического с виду дома лифтер переругивался с шахтерами. *другие*

Полувзрослый мальчик открыл ему – бросил на вошедшего полуиспуганный, полувопросительный взгляд.

Вышла пауза. Черная гуттаперчевая тросточка отразилась

в старинном зеркале.

Мебель была вся золоченая, обита пестрым ковром, на манер гобеленовых изделий.

Навстречу выйдя в вицмундире, Каренин поздоровался рукой. Он, Анна и Сережа как-то сливались вместе. Вронский расправил полы сюртука и сел на центр стула.

Скоро завязалась беседа.

– Как в своем здоровье быть изволите? – спрашивали друг друга.

На Анне был тюлевый чепец с широким рюшем, надвинутый на самый лоб, так что волос совсем было не видеть; тафтяное платье с очень высоким воротом и около шеи – тюлевый же барок; она накинула на плечи черный шелковый палантин.

Из зимнего сада доносилась трансляция речи Ленина:

– Опора в старом дворянстве обеспечивает прочность новой системы! – Ильич хрипел.

Анна, выйдя, возвратилась в белом барежевом платье с кружевной оборкой, сквозь которую бежала пунсовая ленточка.

– Водочки не выпить ли перед обедом? – Каренин упустил нить разговора.

Теперь он отличался во всякого вида спортах и слыл прекрасным стрелком.

– Я отдал дань молодости и давно распрощался с ее увлечениями, – ответил Вронский.

Анна после выпитой рюмки обвела рот пальцем, сказала: «Крепка!» – и рассмеялась.

Никто не держался за мысль – каждый готов был к неожиданностям.

Подали фаршированную щуку, утку, вальдшнепов, бруснику, моченые яблоки, рыжики в сметане, грузди, кисло-сладкое мясо, жареного леща, окорок ветчины и много мацы.

Невольно сравнивая Анну с Владимиром Кореневым, мысленно Вронский складывал их вместе и тогда тот, получившийся третий разворачивал себя в поле осознания ошибки.

– Нет, нет и еще раз нет! – в этих заклинаниях почувствовалась скрытая насмешка.

Древняя еврейская религия, простая, строгая, лишенная утонченной догматичности, состоит почти из одних отрицаний.

Темный предшественник вмешался.

Толстой изобличен был в заблуждении.

– Послушание паче поста и молитвы! – напомнил Ленин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.